

Предисловие

Предисловие // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 5—8. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Михаил Осипович Меньшиков родился 25 сентября (7 октября) 1859 г. в городе Новоржеве Псковской губернии, недалеко от Валдая. Его отец, Осип Семенович Меньшиков, имел низший гражданский чин коллежского регистратора, а родом был из семьи сельского священника. Мать, Ольга Андреевна, в девичестве Шишкина, была дочерью потомственного, но обедневшего дворянина, владельца небольшого селыца Юшково Опочецкого уезда. Жили Меньшиковы бедно, часто нуждаясь в самом необходимом. Однако благодаря хозяйственности и недюжинному уму Ольги Андреевны кое-как сводили концы с концами. От избытка ли забот или по складу характера она была женщиной несколько нелюдимой, но не лишенной чувствительности и поэтического вкуса. Родители были религиозны, любили природу.

На шестом году Миша начал учиться. Учила его Ольга Андреевна сама. Позднее он был отдан в Опочецкое уездное училище, которое окончил в 1873 г. В том же году при помощи дальнего родственника он поступает в Кронштадтское морское техническое училище.

После окончания морского училища молодой флотский офицер пишет письмо своему покровителю: «Считаю долгом сообщить Вам, что закончил курс в Техническом училище и 18 апреля (1878 года) произведен в 1-й военно-морской чин по нашему корпусу (в кондукторы корпуса флотских штурманов). Экзамены я выдержал порядочно: по 10 предметам я получил 12 баллов. 30 числа я был назначен на броненосный фрегат «Князь Пожарский», а 2 мая фрегат распрощался с Кронштадтом и ушел неизвестно куда и неизвестно на сколько времени. Секрет. Мы были в Дании, Норвегии и теперь во Франции. Я получаю 108 рублей 50 коп. золотом в месяц. Это дает мне возможность, кроме своих прямых обязательств тратить несколько денег на осмотр чужих городов и примечательностей. Таким образом, я теперь в Париже, осматриваю всемирную выставку. Итак, я, видимо, вступил на новую дорогу...»

Склонность к литературе Меньшиков проявил очень рано. Еще в середине семидесятых годов по его инициативе в Кронштадте выходил ученический журнал «Неделя». В 1883 г. после возвращения в Кронштадт Меньшиков познакомился и подружился с поэтом С. Я. Надсоном, который высоко оценил талант молодого офицера, новичка в литературе. Будучи уже безнадежно больным, Надсон приветливым словом и добрыми рекомендациями помогал Меньшикову. Вот выдержка из его письма, датированного 1885 г.: «Я зол, на Вас за то, что Вы не верите в себя, в свой талант. Даже письмо Ваше художественно. Пишите — ибо это есть Ваша доля на земле. Жду томов от Вас...»

После участия в нескольких дальних морских экспедициях Меньшиков получил звание инженера-гидрографа. В те годы он написал и опубликовал очерки «По портам Европы» (1884), специальные работы «Руководство к чтению морских карт, русских иностранных» (1891), «Люции Абоских и восточной части Аландских шхер» (1898) и др.

В те же годы он начал печататься в «Кронштадтском Вестнике», «Голосе», «Петербургских Ведомостях», и, наконец, в газете «Неделя». В 1886 г. Надсон писал владельцу газеты П. А. Гайдебурову: «Меньшиков у Вас подвизается очень недурно и бойко. Помогите ему выбраться на ровную дорогу».

В 1892 г., окончательно осознав свое литературное призвание, Меньшиков выходит в отставку в чине штабс-капитана и становится постоянным корреспондентом, затем секретарем и ведущим критиком и публицистом «Недели» и ее приложений, а с сентября 1900 г. фактически заведует газетой, одновременно активно сотрудничая в журнале «Русская Мысль», газете «Русь» и других

изданиях.

На рубеже веков «Неделя» прекратила свое существование. После некоторых колебаний Меньшиков связал свою судьбу с газетой А. С. Суворина «Новое Время», где печатались А. П. Чехов, его брат Александр, В. П. Буренин, В. В. Розанов и многие другие известные журналисты и писатели.

Меньшиков был ведущим публицистом «Нового Времени» с 1901 по 1917 г. Он вел в газете рубрику «Письма к ближним», публикуя еженедельно по две-три статьи, не считая больших воскресных фельетонов (так назывались тогда особенно острые, серьезные материалы на темы дня). Свои статьи и фельетоны из этой рубрики Михаил Осипович выпускал отдельными ежемесячными журнально-дневниковыми книжками, которые переплетал потом в ежегодные тома.

В «Письмах к ближним» Меньшиков обращался к широкому кругу духовно-нравственных, культурных, социальных, политических, бытовых и других вопросов. Характер выступлений определялся его общественно-политическим идеалом, который окончательно сложился в начале 90-х годов: крепкая власть с парламентским представительством и определенными конституционными свободами, способная защищать традиционные ценности России и оздоровить народную жизнь.

Будучи одним из создателей «Всероссийского национального союза» (не путать с «Союзом русского народа», как это делают некомпетентные историки. — М. П.), Меньшиков так формулировал его цели: «...восстановление русской национальности не только как главенствующей, но и государственно-творческой». Отвергая деятельность революционных организаций как партий «русской смуты», Меньшиков писал на темы самые разнообразные: о политико-экономическом движении, о «желтой» прессе, об усилении влияния на общество революционного движения и об очевидных трагических последствиях «внутреннего завоевания» России. Публицистические выступления Меньшикова в «Новом Времени» имели большой общественный резонанс. У него был широкий круг единомышленников, но и противников было более чем достаточно.

После отстранения Михаила Осиповича от работы в «Новом Времени» Меньшиковы впервые остались в Валдае на зиму 1917/18 г. Меньшиков очень любил Валдай, Валдайское озеро, дивный Иверский монастырь, обретал покой и счастье в своих самозабвенно любимых детях, радость общения с родными, ближними, с друзьями, навещавшими его в Валдае. В революционные дни 1917 г. князь Львов, глава Временного правительства, предлагал Меньшикову уехать за границу, но он не захотел, не смог покинуть Россию.

20 сентября 1918 г. на берегу Валдайского озера, среди бела дня, на глазах у перепуганных «валдашей» и шестерых малолетних детей М. О. Меньшиков был расстрелян по приговору ЧК. По свидетельству очевидцев, Михаил Осипович перед смертью молился на Иверский монастырь, хорошо видный с места расстрела...

Трудно сложилась судьба семьи М. О. Меньшикова. Немыслимыми усилиями с помощью родных и ближних удалось уцелеть детям и вдове, Марии Владимировне Меньшиковой, в годы красного террора, голода и разрухи тяжелейших войн — гражданской, затем Великой Отечественной. Только младший сын Миша умер от голодного менингита спустя четыре года после гибели отца, и был похоронен рядом с ним.

Чудом сохранились, пусть не полностью, архивы Михаила Осиповича. Несмотря на выселение всей большой семьи из собственного дома во флигель, обыск при аресте главы семейства, голодные годы, Меньшиковы хранили бумаги, фотографии, документы.

В 30-е годы, после того, как все Меньшиковы уехали из Валдая в Ленинград, Мария

Владимировна стала частями передавать архив детям.

В 1934 г. после убийства Кирова начались неприятности у Григория Михайловича, старшего сына М. О. Меньшикова. Ему с женой и малолетним сыном грозила тяжелая, дальняя ссылка. Однако тогда он был оправдан.

Через год архивами Меньшикова заинтересовался Литературный музей в Москве. Ольга Михайловна, одна из дочерей Михаила Осиповича, так рассказывала об этом: «В ноябре 1935 года моя Мама, Мария Владимировна Меньшикова, получила письмо от директора Литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевича. Письмо было

написано очень любезно и содержало в себе предложение передать Литературному музею покойного М. О. Меньшикова или продать. О том, что такой архив имеется В[ладимир] Д[митриевич] узнал от «общих знакомых». Я это письмо читала и помню в основном его содержание.

Моя Мама жила в Ленинграде у своей сестры Зинаиды Владимировны Поль. Все мои сестры и брат находились в этом же городе. Одна я из детей М. О. Меньшикова жила в Москве, и поэтому Мама написала мне и переслала письмо для прочтения. Она также написала мне, что основная переписка Папы с известными писателями давно продана (в Ленинграде). Это было сделано с помощью профессора Нестора Александровича Котляревского, близкого знакомого Ольги Александровны Фрибес, которая была добрым другом семьи Меньшиковых.

Мама просила меня сходить на прием к Бонч-Бруевичу и выяснить, как будет использоваться папин архив в случае передачи его в фонды музея. Время было трудное, сложное, и мы не хотели, чтобы лишний раз дорогое для нас имя попадало в печать с оскорбительными для него комментариями. Мама просила меня еще продать музею шесть писем Н. С. Лескова. Мне помнится, эти письма были адресованы уже не Папе (переписка папы с Лесковым была продана раньше), а Лидии Ивановне Веселитской-Микулич, большому другу нашей семьи, и были ею переданы для продажи, как бы в помощь маме, растившей после смерти папы большую семью.

Я пошла в Литературный музей 31 декабря 1936 года, но не застала Вл[адимира] Дм[итриевича]. Его очень любезная секретарша назначила мне прием на 2 января в 4 часа 30 мин. дня уже 37-ого года. 2 января Бонч-Бруевич меня принял. Были сумерки, в его полутемном кабинете уже горела настольная лампа. Седой, почтенного вида человек, суховато со мной поздоровался, предложил сесть. Спросил, что я имею ему сказать по поводу его предложения. Я сразу совершенно откровенно ответила ему, что нас, Меньшиковых, интересует судьба архива после передачи музею, если таковая состоится, возможность отрицательных отзывов при использовании материалов и что нам хочется избежать этого.

Тогда Вл[адимир] Дм[итриевич] еще суше спросил меня: «Разрешите спросить вас, как вы сейчас относитесь к своему отцу, как к исторической фигуре или как родителю?..» Я просто и сразу ответила: «Конечно, как к отцу!»

Он резко повернулся в кресле и ответил мне следующей фразой: «Тогда вы не минуете многих неприятностей, я не могу вам обещать использование материалов без соответствующих отзывов». Я сказала, что в таком случае наша семья не считает возможным передавать тот небольшой архив, который у нас имеется в ведение музея и предложила Бонч-Бруевичу письма Лескова. На этом мой визит закончился. Влад[имир] Дмитриевич сказал, что в отношении цены за письма я зашла бы к его секретарше, после ознакомления с их содержанием.

Больше я к директору музея не ходила и его не видела. Его внимательная и приветливая секретарша сказала мне через несколько дней, что письма оценили в сто рублей. Я списалась с Мамой и вскоре получила и переслала ей деньги. У меня осталось неприятное впечатление от контраста между любезным письмом к Маме и сухим приемом, когда я была у Бонч-Бруевича. Я

была молода — мне было 25 лет — и я всегда любила и жалела Папу.

О. Меньшикова, 3 марта 1978 г.»

В 1937 г. старший сын М. О. Меньшикова Григорий Михайлович был арестован. Долго находился в «Крестах», как до того в Москве на Лубянке, и был освобожден лишь в 1939 г.

Когда начались аресты, бумаги Михаила Осиповича прятали кто как мог, и многие материалы пропали, так как не всегда потом их изымали из тайников.

Позднее разрозненные архивы стекались к Ольге Михайловне Меньшиковой, которая в 1927 г. вышла замуж за Бориса Сергеевича Пospelова, сына сельского священника из Подмосковья и уехала из Ленинграда.

Во время Великой Отечественной войны Ольга Михайловна и Борис Сергеевич с институтом, где он работал, уехали в эвакуацию. Перед отъездом они тщательно спрятали наиболее ценные бумаги и фотографии. Но в дом, где оставались родители Бориса Сергеевича, Сергей Дмитриевич и Ольга Сергеевна Пospelовы и где хранились архивы, пришли немцы. Опять разгром, раскиданные книги, бумаги, сломанная мебель, крыша изрешечена осколками снарядов, соседний дом сгорел. Хорошо, что старики остались живы, хорошо, что вновь чудом, но остались в целостности архивы М. О. Меньшикова.

В этой книге читателям предложены дневники М. О. Меньшикова, относящиеся к 1918 году.

Продолжением дневников являются письма М. О. Меньшикова из тюрьмы, письма-записки к нему в тюрьму, а также воспоминания его жены о семи последних днях жизни М. О. Меньшикова, записанные с ее слов близким другом семьи писательницей Л. И. Веселитской-Микулич. Публикуются также письма М. О. Меньшикова к О. А. Фрибес, подготовленные к печати Ю. В. Алехиным

Переписку и расшифровку дневников и писем выполнила дочь М. О. Меньшикова Ольга Михайловна Меньшикова в 1970—1980 гг.

Подготовил материалы к публикации и прокомментировал внук М. О. Меньшикова М. Б. Пospelов.

В публикации сохранены особенности стиля автора.

Дневник 1918 года

Предисловие // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 5—8. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Михаил Осипович Меньшиков родился 25 сентября (7 октября) 1859 г. в городе Новоржеве Псковской губернии, недалеко от Валдая. Его отец, Осип Семенович Меньшиков, имел низший гражданский чин коллежского регистратора, а родом был из семьи сельского священника. Мать, Ольга Андреевна, в девичестве Шишкина, была дочерью потомственного, но обедневшего дворянина, владельца небольшого сельца Юшково Опочецкого уезда. Жили Меньшиковы бедно, часто нуждаясь в самом необходимом. Однако благодаря хозяйственности и недюжинному уму Ольги Андреевны кое-как сводили концы с концами. От избытка ли забот или по складу характера она была женщиной несколько нелюдимою, но не лишенной чувствительности и поэтического вкуса. Родители были религиозны, любили природу.

На шестом году Миша начал учиться. Учила его Ольга Андреевна сама. Позднее он был отдан в Опочечское уездное училище, которое окончил в 1873 г. В том же году при помощи дальнего родственника он поступает в Кронштадтское морское техническое училище.

После окончания морского училища молодой флотский офицер пишет письмо своему покровителю: «Считаю долгом сообщить Вам, что закончил курс в Техническом училище и 18 апреля (1878 года) произведен в 1-й военно-морской чин по нашему корпусу (в кондукторы корпуса флотских штурманов). Экзамены я выдержал порядочно: по 10 предметам я получил 12 баллов. 30 числа я был назначен на броненосный фрегат «Князь Пожарский», а 2 мая фрегат распрощался с Кронштадтом и ушел неизвестно куда и неизвестно на сколько времени. Секрет. Мы были в Дании, Норвегии и теперь во Франции. Я получаю 108 рублей 50 коп. золотом в месяц. Это дает мне возможность, кроме своих прямых обязательств тратить несколько денег на осмотр чужих городов и примечательностей. Таким образом, я теперь в Париже, осматриваю всемирную выставку. Итак, я, видимо, вступил на новую дорогу...»

Склонность к литературе Меньшиков проявил очень рано. Еще в середине семидесятых годов по его инициативе в Кронштадте выходил ученический журнал «Неделя». В 1883 г. после возвращения в Кронштадт Меньшиков познакомился и подружился с поэтом С. Я. Надсоном, который высоко оценил талант молодого офицера, новичка в литературе. Будучи уже безнадежно больным, Надсон приветливым словом и добрыми рекомендациями помогал Меньшикову. Вот выдержка из его письма, датированного 1885 г.: «Я зол, на Вас за то, что Вы не верите в себя, в свой талант. Даже письмо Ваше художественно. Пишите — ибо это есть Ваша доля на земле. Жду томов от Вас...»

После участия в нескольких дальних морских экспедициях Меньшиков получил звание инженера-гидрографа. В те годы он написал и опубликовал очерки «По портам Европы» (1884), специальные работы «Руководство к чтению морских карт, русских иностранных» (1891), «Лоции Абоских и восточной части Аландских шхер» (1898) и др.

В те же годы он начал печататься в «Кронштадтском Вестнике», «Голосе», «Петербургских Ведомостях», и, наконец, в газете «Неделя». В 1886 г. Надсон писал владельцу газеты П. А. Гайдебурову: «Меньшиков у Вас подвизается очень недурно и бойко. Помогите ему выбраться на ровную дорогу».

В 1892 г., окончательно осознав свое литературное призвание, Меньшиков выходит в отставку в чине штабс-капитана и становится постоянным корреспондентом, затем секретарем и ведущим критиком и публицистом «Недели» и ее приложений, а с сентября 1900 г. фактически заведует газетой, одновременно активно сотрудничая в журнале «Русская Мысль», газете «Русь» и других изданиях.

На рубеже веков «Неделя» прекратила свое существование. После некоторых колебаний Меньшиков связал свою судьбу с газетой А. С. Суворина «Новое Время», где печатались А. П. Чехов, его брат Александр, В. П. Буренин, В. В. Розанов и многие другие известные журналисты и писатели.

Меньшиков был ведущим публицистом «Нового Времени» с 1901 по 1917 г. Он вел в газете рубрику «Письма к ближним», публикуя еженедельно по две-три статьи, не считая больших воскресных фельетонов (так назывались тогда особенно острые, серьезные материалы на темы дня). Свои статьи и фельетоны из этой рубрики Михаил Осипович выпускал отдельными ежемесячными журнально-дневниковыми книжками, которые переплетал потом в ежегодные тома.

В «Письмах к ближним» Меньшиков обращался к широкому кругу духовно-нравственных, культурных, социальных, политических, бытовых и других вопросов. Характер выступлений определялся его общественно-политическим идеалом, который окончательно сложился в начале

90-х годов: крепкая власть с парламентским представительством и определенными конституционными свободами, способная защищать традиционные ценности России и оздоровить народную жизнь.

Будучи одним из создателей «Всероссийского национального союза» (не путать с «Союзом русского народа», как это делают некомпетентные историки. — М. П.), Меньшиков так формулировал его цели: «...восстановление русской национальности не только как главенствующей, но и государственно-творческой». Отвергая деятельность революционных организаций как партий «русской смуты», Меньшиков писал на темы самые разнообразные: о политико-экономическом движении, о «желтой» прессе, об усилении влияния на общество революционного движения и об очевидных трагических последствиях «внутреннего завоевания» России. Публицистические выступления Меньшикова в «Новом Времени» имели большой общественный резонанс. У него был широкий круг единомышленников, но и противников было более чем предостаточно.

После отстранения Михаила Осиповича от работы в «Новом Времени» Меньшиковы впервые остались в Валдае на зиму 1917/18 г. Меньшиков очень любил Валдай, Валдайское озеро, дивный Иверский монастырь, обретал покой и счастье в своих самозабвенно любимых детях, радость общения с родными, близкими, с друзьями, навещавшими его в Валдае. В революционные дни 1917 г. князь Львов, глава Временного правительства, предлагал Меньшикову уехать за границу, но он не захотел, не смог покинуть Россию.

20 сентября 1918 г. на берегу Валдайского озера, среди бела дня, на глазах у перепуганных «валдашей» и шестерых малолетних детей М. О. Меньшиков был расстрелян по приговору ЧК. По свидетельству очевидцев, Михаил Осипович перед смертью молился на Иверский монастырь, хорошо видный с места расстрела...

Трудно сложилась судьба семьи М. О. Меньшикова. Немыслимыми усилиями с помощью родных и близких удалось уцелеть детям и вдове, Марии Владимировне Меньшиковой, в годы красного террора, голода и разрухи тяжелейших войн — гражданской, затем Великой Отечественной. Только младший сын Миша умер от голодного менингита спустя четыре года после гибели отца, и был похоронен рядом с ним.

Чудом сохранились, пусть не полностью, архивы Михаила Осиповича. Несмотря на выселение всей большой семьи из собственного дома во флигель, обыск при аресте главы семейства, голодные годы, Меньшиковы хранили бумаги, фотографии, документы.

В 30-е годы, после того, как все Меньшиковы уехали из Валдая в Ленинград, Мария Владимировна стала частями передавать архив детям.

В 1934 г. после убийства Кирова начались неприятности у Григория Михайловича, старшего сына М. О. Меньшикова. Ему с женой и малолетним сыном грозила тяжелая, дальняя ссылка. Однако тогда он был оправдан.

Через год архивами Меньшикова заинтересовался Литературный музей в Москве. Ольга Михайловна, одна из дочерей Михаила Осиповича, так рассказывала об этом: «В ноябре 1935 года моя Мама, Мария Владимировна Меньшикова, получила письмо от директора Литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевича. Письмо было

написано очень любезно и содержало в себе предложение передать Литературному музею покойного М. О. Меньшикова или продать. О том, что такой архив имеется В[ладимир] Д[митриевич] узнал от «общих знакомых». Я это письмо читала и помню в основном его содержание.

Моя Мама жила в Ленинграде у своей сестры Зинаиды Владимировны Польш. Все мои сестры и

брат находились в этом же городе. Одна я из детей М. О. Меньшикова жила в Москве, и поэтому Мама написала мне и переслала письмо для прочтения. Она также написала мне, что основная переписка Папы с известными писателями давно продана (в Ленинграде). Это было сделано с помощью профессора Нестора Александровича Котляревского, близкого знакомого Ольги Александровны Фрибес, которая была добрым другом семьи Меньшиковых.

Мама просила меня сходить на прием к Бонч-Бруевичу и выяснить, как будет использоваться папин архив в случае передачи его в фонды музея. Время было трудное, сложное, и мы не хотели, чтобы лишний раз дорогое для нас имя попадало в печать с оскорбительными для него комментариями. Мама просила меня еще продать музею шесть писем Н. С. Лескова. Мне помнится, эти письма были адресованы уже не Папе (переписка папы с Лесковым была продана раньше), а Лидии Ивановне Веселитской-Микулич, большому другу нашей семьи, и были ею переданы для продажи, как бы в помощь маме, растившей после смерти папы большую семью.

Я пошла в Литературный музей 31 декабря 1936 года, но не застала Вл[адимира] Дм[итриевича]. Его очень любезная секретарша назначила мне прием на 2 января в 4 часа 30 мин. дня уже 37-ого года. 2 января Бонч-Бруевич меня принял. Были сумерки, в его полутемном кабинете уже горела настольная лампа. Седой, почтенного вида человек, суховато со мной поздоровался, предложил сесть. Спросил, что я имею ему сказать по поводу его предложения. Я сразу совершенно откровенно ответила ему, что нас, Меньшиковых, интересует судьба архива после передачи музею, если таковая состоится, возможность отрицательных отзывов при использовании материалов и что нам хочется избежать этого.

Тогда Вл[адимир] Дм[итриевич] еще суше спросил меня: «Разрешите спросить вас, как вы сейчас относитесь к своему отцу, как к исторической фигуре или как родителю?..» Я просто и сразу ответила: «Конечно, как к отцу!»

Он резко повернулся в кресле и ответил мне следующей фразой: «Тогда вы не минуете многих неприятностей, я не могу вам обещать использование материалов без соответствующих отзывов». Я сказала, что в таком случае наша семья не считает возможным передавать тот небольшой архив, который у нас имеется в ведение музея и предложила Бонч-Бруевичу письма Лескова. На этом мой визит закончился. Влад[имир] Дмитриевич сказал, что в отношении цены за письма я зашла бы к его секретарше, после ознакомления с их содержанием.

Больше я к директору музея не ходила и его не видела. Его внимательная и приветливая секретарша сказала мне через несколько дней, что письма оценили в сто рублей. Я списалась с Мамой и вскоре получила и переслала ей деньги. У меня осталось неприятное впечатление от контраста между любезным письмом к Маме и сухим приемом, когда я была у Бонч-Бруевича. Я была молода — мне было 25 лет — и я всегда любила и жалела Папу.

О. Меньшикова, 3 марта 1978 г.»

В 1937 г. старший сын М. О. Меньшикова Григорий Михайлович был арестован. Долго находился в «Крестах», как до того в Москве на Лубянке, и был освобожден лишь в 1939 г.

Когда начались аресты, бумаги Михаила Осиповича прятали кто как мог, и многие материалы пропали, так как не всегда потом их изымали из тайников.

Позднее разрозненные архивы стекались к Ольге Михайловне Меньшиковой, которая в 1927 г. вышла замуж за Бориса Сергеевича Поспелова, сына сельского священника из Подмосковья и уехала из Ленинграда.

Во время Великой Отечественной войны Ольга Михайловна и Борис Сергеевич с институтом, где он работал, уехали в эвакуацию. Перед отъездом они тщательно спрятали наиболее ценные бумаги и фотографии. Но в дом, где оставались родители Бориса Сергеевича, Сергей

Дмитриевич и Ольга Сергеевна Пospelовы и где хранились архивы, пришли немцы. Опять разгром, раскиданные книги, бумаги, сломанная мебель, крыша изрешечена осколками снарядов, соседний дом сгорел. Хорошо, что старики остались живы, хорошо, что вновь чудом, но остались в целости архивы М. О. Меньшикова.

В этой книге читателям предложены дневники М. О. Меньшикова, относящиеся к 1918 году.

Продолжением дневников являются письма М. О. Меньшикова из тюрьмы, письма-записки к нему в тюрьму, а также воспоминания его жены о семи последних днях жизни М. О. Меньшикова, записанные с ее слов близким другом семьи писательницей Л. И. Веселитской-Микулич. Публикуются также письма М. О. Меньшикова к О. А. Фрибес, подготовленные к печати Ю. В. Алехиным

Переписку и расшифровку дневников и писем выполнила дочь М. О. Меньшикова Ольга Михайловна Меньшикова в 1970—1980 гг.

Подготовил материалы к публикации и прокомментировал внук М. О. Меньшикова М. Б. Пospelов.

В публикации сохранены особенности стиля автора.

Письма М. О. Меньшикова из тюрьмы

Меньшиков М. О. Письмо Фрибес О. А., 7/20 сентября 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 233. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

О. А. ФРИБЕС

7/20.IX.918.

Дорогая Ольга Александровна, прощайте навсегда. Сердечно благодарю Вас за все, за все. Вы были моим истинным другом. Христос с Вами.

Меньшиков М. О. Письмо детям, 7/20 сентября 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 233. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

7/20.IX.1918. Тюрьма.

Милые, родные мои ангельчики дети, целую вас заочно последний раз в этой жизни и благословляю на всю вашу жизнь.

Слушайте маму, бабушку и всех старших, любите друг друга всю вашу жизнь и помогайте один другому, как истинные братья и сестры. Берите пример с мамочки: работайте без отдыха и ведите себя честно. Никогда не лгите, чужого не желайте. Своим делитесь.

Помните несчастного папу.

Ты, милая Лидочка, старшая, будь помощницей маме.

Ты, Гриша родной, старший сын и заботься о младших.

Ты, Лёкушка, будь похожа на мою маму, и Мика дорогой, сдерживай свое сердце.

Все вы дали мне много радости, благодарю вас и благословляю.

Простите меня за все и когда вырастите, будьте добрыми и кроткими людьми, и у вас не будет врагов.

Обнимаю вас крепко и призываю на вас милость Божию.

Ваш Папа.

Меньшиков М. О. Письмо родным, 6 сентября 1918 («Видел я вас, милые, из окна, и на душе легче...») // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 233. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Четверг. Вечер.

Видел я вас, милые, из окна, и на душе легче. Благословил всех, хоть издалека, посылал милым отсутствующим Машеньке и Танюше свое родительское благословение Божие на века их. Спасибо тебе, родная, за то, что еще раз дала взглянуть на себя и деток. Если меня не расстреляют (чуть-чуть надежды еще теплится), то, мож. б., еще увидимся в этой жизни, хотя засадят на медленное умирание куда-нибудь, откуда нет выхода. Допрос окончательный, вероятно, будет или сегодня ночью, или завтра утром. Я сравнительно спокоен. Тяжело мне было видеть печальное личико Лидочки, остальные дети — дети, и я даже рад буду, если они как можно скорее, как все дети, забудут это несчастье. И ты забудь и постарайся быть счастлива, дорогая. Если же дело затянется, и я останусь здесь, ради Бога не присылай так много еды и такой хорошей. Один день пропусти и не присылай ничего, вероятно, впрочем, что запретят и без того. Я лишен буду всех послаблений, мне обещано, что не дадут никакой пощады.

Ну, Христос с вами, милые. Благослови вас Бог. Яшу крепко целую и прошу помочь тебе во всем. Поцелуй Олечку Самсонову и скажи, что я любил ее. И Орика ее поцелуй, и мужа. И всем Полям сердечный привет, включая Зину и А. Ив. Л. Будьте же счастливы, дорогие! Моему Володе, брату, напишешь, что перед смертью я и его вспоминал и благословлял.

Меньшиков М. О. Письмо Меньшиковой М. В., 5 сентября 1918 («Сейчас была Чрезвычайная Комиссия...») // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 229—230. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Среда. 2 часа дня.

Сейчас была Чрезвычайная Комиссия, я обвиняюсь в погромных статьях против евреев, один член сказал мне: будьте покойны, свободы вы не получите. Не унывай, дорогая, лишь бы жизнь оставили, а там воля Божия. Бесконечно благодарен за пищу, но запрещаю присылать что-нибудь кроме того, что сами едите и полбутылки молока. Заверни провизию чистой

бумагой, чтобы писать можно. Ради Бога успокойся: расстрела немедленного не будет, по-видимому. Горячо целую и обнимаю ангельчиков моих и бабушку, которая тоже ангел, крепко целую.

М.

Меньшиков М. О. Письмо Меньшиковой М. В.. 5 сентября 1918 («Дорогая, сердечная моя

Манюшка...») // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 229. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Среда. 5 сентября.

Дорогая, сердечная моя Манюшка. Спасибо за утешения и заботы. Жив и здоров, но тяжело на сердце. Сегодня жду решения. Верь, что ты и дети — вся жизнь моя, и за гробом, если есть жизнь, то вся с вами и в вас. Родная моя, утешай себя и детей. Безумно целовал детскую салфеточку. Какая ты нежная и чуткая, догадалась, что мне прислать. Я подаю прошение смотрителю, чтобы он выдал тебе деньги, арестованные со мной. Из них 200 р. Иришиных. Ради Создателя, будь осторожна, в кухне ни слова. В штабе, если будешь, води себя спокойнее. Помни, что расстреливают и женщин. Вчера мне надзиратель сказал, что мне никакая передача не разрешается. Должно быть, осудили меня без всякого допроса суда. Если будет хорошая погода, пусть бы дети пришли под окно тюрьмы в сад, наши окна во 2 этаже против будки часового — в 4 часа дня. Хоть издали бы взглянуть на них и на тебя.

Целую вас без счета. Люблю вас дороже жизни. Будь осторожна и передавай хоть на словах, что нового.

Да благословит вас Господь, Отец небесный.

М.

Меньшиков М. О. Письмо родным, 4 сентября 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 228—229. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Вторник. 4 сентября, утро.

Милые, золотые, дорогие. Я пока жив и сравнительно здоров, только плохо сплю: душно, и шесть человек, лежащих рядом, храпят. Все мои товарищи по несчастью ко мне чрезвычайно добры и предупредительны. Чуть-чуть подкармливают меня, но мне стыдно пользоваться их провизией.

С сегодняшнего дня уменьшили порцию хлеба до 1/2 ф. в день. Так что приходится голодать. Если можно, присылайте бутылку кипяченого молока в день и кусочек хлеба небольшой, был бы благодарен. Не обижайте себя, дорогие и любимые мои, пока тут кое-как кормят, а сильно голодать буду — сам попрошу. В чем чрезвычайно нуждаюсь, это в весточке

от вас, живы ли, здоровы ли, особенно ты, дорогая Манюша, последняя опора нашего несчастного дома. Береги себя, родная, ради Христа, умоляю тебя. Сообрази все сама, как лучше сделать, ввиду вероятности всего самого худшего. Я еще не знаю, за что я посажен, никуда меня не вызывали, томлюсь неизвестностью.

Знаю, что приехала милая бабушка, целую ей руку и прошу о том, что она и без просьбы сделает — помочь тебе во всем.

На моих товарищей по заключению наложена тяжелая контрибуция, о себе я ничего не знаю. Ради Бога, если есть какая-нибудь возможность, дай знать о себе хотя бы на словах. Почему не приехал Яша? Что с ним? У меня нет ни бумаги, ни чернил, старый начальник тюрьмы ушел, нового пока стесняюсь просить. Может быть, ты найдешь время дойти до начальника тюрьмы и попросить его передать мне несколько тетрадей белой бумаги (они лежат во 2 ящике большого комода). Он их проштемпелюет, прошнурует и даст мне. Передайте ему химический карандаш и

баночку чернил для меня. Это разрешается. Из книг я хотел бы немецкую библию (внизу шкафа с книгами) — русская тут есть. Целую тысячу раз всех вас, дорогих и милых.

Люблю вас, как свою душу. БОЛЬШЕ. Не забывают меня.

М.

Меньшиков М. О. Письмо Меньшиковой М. В., 3 сентября 1918 («Дорогая моя, на всякий случай знай...») // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 228. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Понедельник. Час дня.

Дорогая моя, на всякий случай знай, что в тюрьме у меня отобрали бумажник и золотые часы. В бумажнике было 2 393 р. 63 к., принятые под кв. номер 195 от 14 сентября 1918 г. за подписью ушедшего теперь начальника тюрьмы Горш...

Если меня не будет в живых, ты непременно требуй эти деньги, они принадлежат тебе и детям (за исключением Иришиных 200 р., которые ей нужно будет вернуть). Со мной сидят: Н. В. Якунин, Мир. Сав. Савин, Вас. Гр. Бычков, Як. Вас. Усачов и двое молодых людей Виноградов и Савин¹⁷⁸. Их семьям разрешены свидания. Если нельзя будет передать письмо от тебя, то нельзя ли хоть на словах передать, живы ли вы, здоровы ли, все ли здоровы дети, приехала ли бабушка и вообще, что у вас делается. Введено осадное положение и нужна крайняя осторожность. Целую тебя.

Хлеб и щи дают; если можешь, присылай 1 б. молока кипяченого в день и этого пока, может быть, будет довольно. Господи, если бы вернуться к вам.

М.

Меньшиков М. О. Письмо Меньшиковой М. В., 3 сентября 1918 («Я еще жив, спасибо за постельные вещи...») // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 227—228. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Понедельник. Утро.

Я еще жив, спасибо за постельные вещи. Большого одеяла я не получил, и не нужно его, но боюсь, не выслала ли ты его.

Будь добренькая, часов в 5 вечера пошли Лиду и Гришу на шоссе, рядом с домом портного Ф. живет начальница гимназии Т. П. Б[одаре]вская. Пусть вернут ей две немецкие книги и поблагодарят от моего имени. Заодно пусть занесут в библиотеку и сдадут две книги, лежащие на комод у меня: Киреевского и Диккенса. Сейчас гулял на дворе. Сплю плохо от дурных мыслей. До сих пор мне неизвестно, за что я сижу, — если можешь — узнай это. Приехала ли бабушка и Яша? У меня нет бумаги и чернил. Нет ни копейки денег. Хлеба не надо, мою порцию хлеба за обедом, завтраком и чаем раздели детям и скажи, чтобы вспоминали меня. Горячо люблю вас, целую и обнимаю, благословляю моих любимых и родных.

М.

Каждый день в 12 часов по старому времени и около 13 часов после полудня поднимаюсь к решетке окна и смотрю: нет ли случайно милых моих, гуляющих в Городском саду. Окно во втором этаже против будки. Бумаги нет чистой, тоскую и страдаю, не имея возможности писать.

Меньшиков М. О. Письмо Меньшиковой М. В., 1/14 сентября 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 227. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Суббота. 1/14 сентября 1918 года. Тюрма.

На случай чего-нибудь худого со мной, прошу тебя, дорогая М. В., прости меня за все огорчения, какие я вольно и невольно нанес тебе в жизни. Любил тебя и жалел, и глубоко уважал многие твои достоинства. Милым и дорогим детям своим завещаю всю жизнь свою беречь маму и подчиняться ей беспрекословно. Завещаю им быть честными и добрыми, никого не обижать и трудиться, как трудились мы с тобой. Пусть не забывают Бога и не изменяют совести своей. Пусть и меня вспоминают хоть немного, как я их любил и помнил. Скажи им, что они меня поддерживали милотой своей под конец тяжелой жизни и что я хотел бы еще немного полюбоваться ими, но что делать... С имуществом моим поступай, как со своим, советуясь с милой бабушкой и добрыми твоими сестрами. Попроси их от моего имени поддержать тебя и несчастных наших детей.

Целую тебя крепко, милая и дорогая, расставаясь с тобой, примиренный и любящий. О вас, милые, будет последняя мысль моя, вспоминайте и вы меня изредка. Хотел бы, чтобы, если настанут лучшие времена, кто-нибудь выбрал бы лучшие мои статьи, рассортировал бы их и издал. Целую крепко Яшу, Ольгу Александровну и Лидию Ивановну. Всем друзьям привет. Пусть, кто лишь немного ценит меня, поможет вам. Сама знай, и передай детям, что если суждено мне умереть, то совершенно невинным. Живите и вы так же чисто, но будьте осторожными с людьми, как учил Христос. Милая Манюшка, прости меня, ради Бога, что невольно заставил пережить тебя тяжелые страдания, которые ты теперь переживаешь. Прошу прощения и у милых моих детей. Родные мои, прощайте. Еще не вполне потеряна надежда, что мы увидимся, но если не даст мне Господь этого великого счастья, то что же делать. Будь мужественна и всю любовь твою обрати на детей. Из дневников и писем моих все сожги, что не нужно знать детям. Прошу тебя об этом очень. Письма О. А. верни ей, с Л. И. — ей, с тобой оставь детям. Ну, еще раз крепко целую тебя и обнимаю от всего сердца и ангелочков наших благословляю.

Твой верный и любящий М.

Меньшиков М. О. Письмо родным, 6 сентября 1918 («Еврей-следователь лишил меня права прогулки...») // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 232. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Четверг. 3 часа дня.

Еврей-следователь лишил меня права прогулки и сказал, что мне «пощады не будет», что мои погромные статьи в руках суда и будут предъявлены мне на суде.

Дело мое плохо. Евреи, очевидно, решили погубить меня, и я доживаю последние мои часы. Ты не волнуйся, дорогая Манюша, перетерпи скорбь и после моей смерти мужественно защищай семью от гибели сама, как умеешь. Ищи помощи у добрых людей. Расскажи детям, что я умер невинною жертвою еврейской мести. Горячо целую их заочно и благословляю на все доброе. Попроси родных твоих помочь тебе. Пусть дети, когда вырастут, читают мои книги. Пусть будут честными и добрыми людьми. Пусть вспоминают меня и верят, что я любил их, как свою жизнь. Простите меня, Христа ради, что я был слишком беспечен и не уберег себя и вас. Сегодня от вас нет весточки, и я беспокоюсь, нет ли нового обыска у вас или каких-нибудь насилий. Суд, вероятно, будет сегодня, а завтра меня не будет в живых — разве «Чудо Архистратига Михаила» (6 сент.) спасет. Молюсь моему Богу о спасении, но не надеюсь на него.

Боже, как хотелось бы мне лично обнять вас и перецеловать. Ну, что делать. Стало быть, не судьба, дорогие мои, дожить остаток дней мирно и тихо, как мечтал я все время, отдав себя одной заботе — воспитанию детей. Умирал бы спокойно, если бы знал, что вы счастливы, но почему-то Бог излил на меня ярость свою, и я гибну в сознании, что я оставляю вас всех в тяжком и беспомощном положении. Ну, да никто как Бог, и может быть он спасет вас раньше, чем вы думаете. Лишь бы самим не подавать повода к худшему. Еще раз прошу тебя, дорогая Маня, простить мне за все огорчения и обиды, вольные и невольные, как я от всего сердца прощаю тебе все, а за твою любовь и ласку и тяжкую заботу бесконечно благодарю. Благословляю Яшу на все доброе. Целую Лид. Ивановну и Ольгу Ал., всем друзьям привет навеки.

ЗАПОМНИТЕ — умираю жертвой еврейской мести не за какие-либо преступления, а лишь за обличение еврейского народа, за что они истребляли и своих пророков. Жаль, что не удалось еще пожить и полюбоваться на вас. Сейчас звонят к вечерне. Последний звон мой в моей жизни. Слышите ли вы его? Слышите ли вы меня, мои любимые. Если есть за гробом жизнь, она вся будет наполнена мыслью о вас. Целую тебя, дорогая Маня, возвращаю кольцо обручальное и последние мои гостинцы для вас.

Милые мои, бесценные.

Прощайте.

М. М.

Меньшиков М. О. Письмо Меньшиковой М. В., 6/19 сентября 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 230—232. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Четверг. 6/19 сентября 1918 г.

Дорогая, бесценная моя Манюшка. Пишу утром, 6-ой день заключения. Пока жив и здоров, но тяжело на сердце. Сегодня, вероятно, будет суд и так или иначе порешат. Члены и председатель чрезвычайной следственной Комиссии евреи и не скрывают, что арест мой и суд — месть за старые мои обличительные статьи против евреев. Они называют их погромными, говорят, будто я принадлежал к Союзу русского народа и пр. Обвинение сплошь

ложное, но они ищут не правды, а мести. Самое лучшее, что угрожает мне, это вечное заточение («Свободы вы не получите», — сказал мне один еврейчик, совсем безусый мальчик, — я вам никогда не прощу»).

Всего же вероятнее, подведут под расстрел. Я, сколько могу, готовлюсь к смерти и довольно спокоен, только жаль ужасно вас, моих милых и дорогих. Как-то ты бьешься там, милая страдальца.

Ради Бога, не посылай мне ничего вкусного — знаю, чего это стоит и как вам приходится обрывать себя во всем. Первые дни давали по одному фунту хлеба, а вчера и третьего дня по полфунта, сегодня же выдали 1/2 ф. жмыхов — ужасный, похожий на грязь (2 п. жмыхов на пуд ржи, но рожь, вероятно, воруют). Не знаю, как привыкну к этому хлебу, но буду привыкать, и умоляю тебя присылать мне меньше еды. Мало будет — попрошу. Щи здешние, конечно, скверные, без соли, но пока сидят купцы — они приплачивают за прибавку мяса по 5 рублей в день. Пока я еще не вошел в пай с ними. Их, вероятно, сегодня-завтра выпустят, и тогда мое положение сразу чрезвычайно ухудшится. Теперь я в компании с почтенными и порядочными людьми (два раза у нас читается акафист Пр. Богородице и Николаю Чудотворцу общее моление, вежливость, опрятность), со мной все очень любезны и почтительны. А уйдут купцы — придется проситься или в одиночное заключение, или посадят в компанию с ворами, убийцами.

Тут не оберешься оскорблений, воровства, вшей. С такими страшно ночевать даже одну ночь, и я буду проситься в одиночную камеру или с кем-нибудь интеллигентным вдвоем. Камера — каменный мешок, железные решетки, железные двери всегда на замке, выпускают только в отхожее место да на прогулку, когда хорошая погода.

Не скрою, дорогая моя, что даже в лучшем случае, если останусь жив, я боюсь слишком продолжительного тюремного заключения, — боюсь за свое здоровье. Спать приходится на полу холодной, неотопленной, грязной каморки. Пыль и грязь, отсутствие свежего воздуха, плохое питание — того и гляди схватишь чахотку. Написала бы ты Яше. Если в Петрограде Максим Горький, не сходит ли он к нему посоветоваться, каким образом облегчить мою участь. Горький враг мой¹⁷⁹ (как я думаю), но все-таки большой писатель, сам сидел в тюрьмах, сам страдал чахоткой. Он имеет некоторое влияние на вождей правительства.

На моем столе в спальне лежит бювар, в котором есть разрешение Гос. Банка на ссуду. Разыщи доверенность, которую я тебе когда-то давал — я думаю, по той ты можешь получить, но для этого надо бы потолковать с тобой при свидании, которое дадут тебе когда-нибудь. Если можно, наведайся в Штаб или где ты просила свидания, и с величайшей осторожностью и почтительностью вновь попроси. Обо многом нужно поговорить с тобой, дорогая. Боюсь, не выселили бы тебя из квартиры, всех, говорят, выселяют. Проси в Управлении хоть тот наш флигель, где живет Харламов, отдать нам, а потом, может быть, бабушка переселится в свой домик — возьмет вас с собой. Для этого тоже пригодилась бы помощь Яши. Слышал, что отбирают мягкую мебель, шкапы и вещи. Полное, дорогая моя, разорение, но ты не унывай — если Бог поможет пережить это время, то дождемся и лучших дней. Лишь бы детей спасти. Если вернулся комиссар и проезд в Петровск свободный, то не ехать ли вам в Петровск. Решай сама, дорогая. Спроси начальство, не дадут ли тебе мое место конторщика. Целую вас всех крепко, благословляю и обнимаю.

Вернулся бы к милым деткам и тебе, голубка, как в Царство Небесное, но пока сижу в каменном мешке, за железными дверями. Целовал без конца милые лапочки и строчки детей и дорогого Мику, который ничего не написал папе. Подай, дорогая, прошение о разрешении тебе писать мне через начальника тюрьмы (он читать будет) — хоть бы знать почаще, живы ли вы и здоровы ли, и как живете. Будь до крайности осторожна на язык. Вернусь если когда-нибудь — будем до гроба беречь друг друга, как святыню. Лишь бы вернуться, но надежды мало. Христос с Вами. Молитесь. Целую бабушку. Поклон Ирише и просьба служить.

М.

Письма М. О. Меньшикова из тюрьмы // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 227—234. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Письма М. О. Меньшикова Из тюрьмы*

* После расстрела семье был возвращен бумажник. На письмах и документах, находившихся в нем, — следы крови М. О. Меньшикова

Письма М. О. Меньшикову от М. В. Меньшиковой и детей

Меньшиков Г. М. Письмо Меньшикову М. О., 1 сентября 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 236. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

1 сентября.

Дорогой Папа, мне очень скучно без тебя. Вернись скорее к нам.

Мы завтракаем и обедаем на кухне, вчера, когда ты ушел, мы только 4 раза были в комнатах. Приходи скорее, милый папочка, мы так скучаем без тебя. Целую тебя крепко, крепко, крепко.

Твой сын Гриша.

Меньшикова Л. М. Письмо Меньшикову М. О., сентябрь 1918 («Милый папочка!..») // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 235. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

11 утра.

Милый папочка!

Как нам скучно без тебя. Мама все плачет. Как ты спал, хорошо ли? Кушал ли ты? Нам так без тебя скучно, что мы обедаем и пьем чай в кухне. Мы все здоровы и молимся о тебе. Дорогой папочка, нам очень жаль тебя. Писем вчера не было. Грибы, которые мы собирали с тобой, оказались горькие, но мы их съели. Мы очень были бы рады, если бы ты к нам вернулся. Целую тебя крепко.

Любящая Лида.

Меньшикова М. В. Письмо Меньшикову М. О., сентябрь 1918 («Дорогой мой и никем не заменимый Миша...») // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 234—235. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Дорогой мой и никем не заменимый Миша, только один Бог знает все мои душевные боли, упреки совести. На коленях молю тебя, прости и ты меня за все мои (нрзб.) слова и обиды. Но ты все же знаешь сам, как искренно я тебя люблю, преданно, и если невыдержана, то это нужда и непосильный труд, а сил немного. Молю тебя, береги себя, знай, что все благополучно, ты знаешь, мы ни в чем не виноваты, ты не участвовал ни в чей, и мы все повиновались требованиям нового правительства и были во всем солидарны. Взял ты не один заложником, Бог не без милости. Я сделала и делаю все для твоего блага и спасения.

Куда ты, туда и я, я тебя не оставляю, ты мой неразрывно. Помни, жизнь без тебя для меня кончилась. Без тебя жить я не буду и не могу. Господи, вернешься ты, мы будем оба работать, поднимать семью нашу и тебе вернее не будет друга, как я. Родной мой, милый и любимый, храни тебя Ангел Господень, молись и ты. У нас все мысли около тебя и дети только о тебе и говорят. Приехала Мама. О ней и говорить не надо. Горю и печали ее нет предела. Она молится о тебе и благословляет. Яша жив и здоров. У тебя ничего не нашли предосудительного только какая-то вырезанная тобою же статья «Нового Времени», но это конечно старая, как я и сказала в штабе, что ведь все жили раньше иначе. Если тебя будут судить в Новгороде, то этому не придавай значения, т. к. тут есть причина, благоприятная для тебя — я поеду с тобою. Мама с детьми. Если статья была после революции, то Слава Богу, т. к. ты писал и одобрял переворот и находил, что все старое сгнило. Пора было создавать новое, целое, здоровое.

Прости, что до сих пор не сумела устроить свидание, но это нелегко, родной мой, но я не один раз у твоих окон стояла.

Милый, родной, дорогой наш Миша, папа наш и кормилец. Без тебя мы осиротели, мы точно потеряли цель жизни. Вернись, мы тебе устроим жизнь полную ласки и внимания. Молю тебя, принимай капли от сердца, что я послала. Это Мамины, по рецепту Гизе. Буду просить пропуск и

завтра. Помни, я около тебя. Обнимаю тебя, крепко, как люблю, помни и верь, я люблю тебя и любила и умру верной тебе, рядом с тобою.

Милый мой, милый, родной прости меня и вернись. Будь духом спокоен, т. к. ты ни в чем не виноват. Христос храни тебя.

Твоя Манюша.

Меньшикова М. В. Письмо Меньшикову М. О., сентябрь 1918 («Дорогой мой родной Миша, мы с тобою...») // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 234. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Дорогой мой родной Миша, мы с тобою.

Храни тебя Бог от всего дурного, помоги тебе Бог, пошли здоровья. Дети только и думают о тебе. Завтра я приду, если получу пропуск. Буду просить разрешения на пищу и подушку, одеяло, полотенце.

Горячо тебя обнимаю, как люблю, милый ты мой, милый, любимый.

Твоя М.

Меньшиков М. О. Письмо Меньшикову В. О., 7/20 сентября 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 234. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

В. О. МЕНЬШИКОВУ

7/20.IX.918.

Дорогой Володя, М. В. тебе расскажет, что случилось.

Пишу тебе перед смертью эти строки, чтобы поцеловать тебя последний раз, обнять и благословить. Прости меня за все. Если умру, то невинным, за статьи, когда-то писанные против евреев. Не оставь моих родных участием советом, как я им завещал делить с тобой все, как с родным.

Прощай же, друг и брат!

Твой Миша.

Как убили моего мужа, М. О. Меньшикова в г. Валдае Новгородской губ.

Меньшикова М. В. Как убили моего мужа, М. О. Меньшикова в г. Валдае Новгородской губ. / Записала Л. И. Веселитская-Микулич // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 239—250. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Тихо и скромно жили мы в Валдае. Наш достаток, плод долговременного, неустанного труда мужа, исчез как дым. Мы стали почти нищими. Все заработанное мужем отняли, отняли и все, что он мог бы еще заработать, т. к. перестали печатать написанное им. Трудно было сводить

концы с концами. Моя мама переселилась к нам, чтобы помочь нам, приглядывая за нашими малолетними детьми. Она ежедневно занималась с ними, разделяя труд преподавания с мужем. Детей у меня было шестеро, мал-мала меньше, и я ожидала седьмого. Муж учил их, гулял с ними и ходил на службу. Я хлопотала о пропитании семьи, стряпала, хозяйничала. Все возрастающая дороговизна и угроза голода тревожили меня из-за бедных ребятишек. Мы уже поговаривали о переселении в Саратовскую губернию, в уездный городок, где, как нам писали, все же легче было прокормиться бедным людям.

О, если бы мы успели осуществить это намерение. Но вот неожиданно-негаданно 1 сентября, в субботу, в половине восьмого утра к нам вторгаются четыре солдата и один штатский. Не предъявляя никакого ордера, они спрашивают прислугу, дома ли товарищ Меньшиков.

Прислуга отвечала: «Дома. Они у себя наверху. Я пойду доложу».

Но они удержали ее, говоря, что сами пойдут наверх. Услыхав это, старшая дочь моя, десятилетняя Лида, прошмыгнула наверх раньше их. Муж стоял у умывальника и мылся. Встревоженная Лида сказала ему: «Папа, к тебе солдаты». Я тоже была наверху. Солдаты вошли.

— Вы товарищ Меньшиков?

— Да. — Товарищ М., мы должны у вас сделать обыск.

— Пожалуйста.

Товарищи принялись за дело, рылись в комод, перебирая всякую мелочь. Увидав авиаторский значок, старший солдат сказал:

— Это монархический значок.

Я не утерпела и сказала ему: «А у вас, что это болтается, скажите, пожалуйста».

— Это? Это тоже монархический значок.

— Ну вот видите. Вы его еще носите, а у нас он только лежит в комод.

Перевернув все вверх дном, они добрались до старенького кортика, который муж бережно хранил в память своей юности и морской службы.

— Почему кортик не был сдан своевременно?

Муж поспешил отыскать и предъявить им квитанцию о своевременной сдаче оружия. Кортик же этот ему разрешили оставить на память по его просьбе.

Из чемодана вытащили все старые дневники мужа, пачку писем и вырезки из «Нового Времени». Покончив с обыском, гости заявили: «Товарищ М., мы должны вас арестовать».

Эти слова поразили меня, как громом. За что. Что он сделал. Что они нашли. Разве можно так, ни с того ни с сего уводить из дома мирного обывателя, ни в чем подозрительного не уличенного. Так нельзя...

Я еще не верила своим ушам. Дети тоже испугались, стали плакать и просить солдат, чтобы отца не уводили.

Муж старался нас успокоить, но это было нелегко. Не зная, что сказать им, я бросилась на колени перед этими сильными мира. Я дрожала и рыдала и как могла умоляла их не уводить мужа, оставить его с нами

THEY ARE, UNFOLDING ONE BY ONE.

Старший солдат сказал мне: «Вы культурная дама и так поступаете».

Я сказала, рыдая:

— При чем тут культура. У детей хотят отнять отца, у меня мужа.

Дети заплакали еще сильнее и, вероятно, чтобы успокоить нас, этот человек сказал, что после допроса мужа освободят. Мы поверили, но продолжали плакать. Обидно было нестерпимо.

Человек сидел у себя дома, безропотно перенес и то, что у него отняли состояние, и то, что его лишили работы, которая была его жизнью. Все это он

перенес не возмущаясь, ни в каких заговорах или попытках восстановить старое не участвовал, учил своих детей. Никого он не трогал, никого не проклинал, подчинялся всем декретам, приспособлялся к новой жизни, и вот ни за что уводят куда-то, обижают его и нас.

Мужу разрешили одеться и выпить стакан чаю. После этого он простился с нами, перекрестил каждого из нас и окруженный вооруженной стражей вышел из родного дома навсегда.

Тут мы еще больше почувствовали горе, обиду и любовь к нему. Все рыдали: моя мама, я, няня, дети и прислуга. Горе ведь обрушилось так неожиданно... Его увели в тюрьму, где сидело уже много валдайских купцов, взятых заложниками.

Я оставила плачущих детей с мамой и, чувствуя, что что-то надо делать, не теряя ни минуты, надо помогать ему, надо найти заступников, бросилась к знакомым Птицыным за советом. Молодой сын Птицыной был арестован в эту же ночь, но наутро его уже выпустили на поруки. Может быть, освободят и мужа или хоть разрешат мне свидание с ним. Он сам лучше что-нибудь придумает, научит меня, что делать.

Птицыны советовали мне не просить свидания с мужем сегодня же, а пойти туда лучше в воскресенье. Но когда в воскресенье я пошла просить о пропуске в тюрьму, мне сказали, что разрешить свидание нельзя. Нет служащих, от которых это зависит. Притом власть вчерашних распорядителей уже и прекращается, т. к. в Валдай прибыл Главный Военный Полевой Штаб.

Вернувшись домой ни с чем, я поспешила послать мужу его спальный прибор, хлеба, яиц и записку, которую ему и доставили, несмотря на все затруднения. В Понедельник утром я пошла со старшими детьми Лидочкой и Гришей в Главный Военный Полевой Штаб, помещавшийся на Торговой улице в доме Ковалева. Мы стали читать надписи на стенах этого дома «Комендант», «Комиссар», «Председатель Главного Штаба». Войдя наконец в указанную нам комнату, мы увидели там за столом только несколько молодых людей. Один из них занимал место Председателя. Я заметила у него на пальце чудный бриллиантовый перстень.

Я стала просить у него пропуска для свидания с мужем, я все-таки надеялась на то, что свидание наше состоится и что он укажет мне пути, назовет кого-нибудь, кто мог бы его защитить. Сама я решительно не знала, что делать, только с мукой чувствовала, что время дорого, что нельзя терять ни минуты.

Молодой человек, выслушав мою просьбу, спросил меня:

— Как ваша фамилия?

— Меньшикова, — был мой ответ.

Тогда он понизил голос и как бы по секрету пробормотал:

— Я хорошо знаю вашего мужа, мои родители были олизко знакомы с ним.

Обрадованная, я спросила: «Как ваша фамилия»

Он шепнул еще тише: «Князь Долгоруков. Но прошу Вас никому не говорить этого».

Сдерживая свою радость, и чтобы не выдать его перед другими сидящими в этой комнате, я шепотом сказала: «Хорошо».

Какая неожиданная радость. Князь прямо пообещал содействовать в освобождении мужа. Однако в пропуске на этот день он мне отказал. Все же я вернулась домой окрыленная надеждой. Приготовив мужу обед, я сама

понесла ему в тюрьму, взяв с собой и детей. Детям было дико, что папа в тюрьме. За что?

Я не могла понять, как это можно ни с того ни с сего посадить в тюрьму совершенно невинного человека.

Хорошо, что князь Долгоруков поможет. И хоть обед передадут мужу. Вернувшись домой, я получила первую записку от мужа, переданную нашей няне — Ирише одной из ее знакомых.

Во Вторник утром я снова поспешила в Штаб, надеясь на этот раз получить разрешение на свидание с мужем. Князь Долгоруков занимал свое место Председателя. Выслушав меня, он громко заявил, что муж мой настолько важный преступник, что никакого пропуска к нему дать нельзя. И по всей вероятности, для суда над ним его повезут в Новгород. Я решила, что куда бы его ни повезли, я поеду с ним, и сказала об этом князю.

Тогда он громогласно заявил мне, что назначение Штаба состоит в том, чтобы чинить суд скорый и справедливый. Князь заявил, что сам он не будет допрашивать мужа, т. к. он лично знаком с ним. Это могло бы навлечь на него нарекания.

А я, развеся уши, выслушала все, что говорил мнимый князь, который оказался совсем не Долгоруким, а евреем Гильфонтом, студентом медицинской академии. Бедный, бедный муж мой, бедные мои дети.

Когда в среду я снова пришла за пропуском, мне сказали, что Гильфонт уехал в Новгород. Я обратилась к заменявшему его молодому человеку, русскому, здоровому и раскормленному. В самой грубой форме он отказал мне в пропуске и сказал, что муж мой преступник. Он призывал к еврейским погромам. Я возразила, что мой муж никогда не призывал к погромам. Если он и порицал иной раз деяния евреев, то точно так же, как порицал и деятельность всех других людей, если она была во вред России...

Он не соглашался с этим и говорил:

— Ваш муж писал за деньги...

Я заметила, что всякий берет деньги за свою работу. И вы берете деньги за Вашу работу. Во всяком случае я Вас прошу не говорить мне дурного о моем муже. Но он не унимался.

— У нас есть доказательства того, что он призывал к погромам. Вот они...

Он указал рукой на вырезки из старого номера «Нового Времени», взятые у нас при обыске.

Дневники мужа и письма к нему валялись у них тут же на подоконнике. Все это было очень больно. Кто же может дать мне пропуск для свидания с мужем?

Комендант направил меня к комиссару. Комиссар Губа, выслушав мои слезные просьбы, сказал, чтобы я пришла за пропуском лично к нему, комиссару. Тогда и моя мечта была бы...

чтобы я пришла за пропуском лучше вечером, часов в семь. Тогда у него, может быть, будет время поговорить со мной, а теперь ему некогда. Я пошла вечером и с семи часов ждала очереди в приемной. Долго, долго пришлось ждать. Сердце болело, голова кружилась от тревожных мыслей. Наконец, комиссар вышел ко мне и спросил, что нужно.

— Свидания с мужем.

— Нельзя.

Я стала перед ним на колени, кланялась, плакала, молила не отнимать у детей отца...

Он злобно сказал:

— А на что он нам. На мясо, что ли.

Я так плакала, что он велел меня выгнать из Штаба. Я покорилась и ушла, но в четверг вернулась попытать счастья. Страшно было пропустить благоприятную минуту, благоприятную встречу, благоприятное настроение судей. Ведь через кого-нибудь Бог поможет нам. Надо ловить, искать... В четверг в Штабе не было уже ни Гильфонта, ни вчерашнего комиссара, ни коменданта. На этот раз я нашла там молодого человека лет 19-ти с прекрасными грустными глазами. Я подошла к нему и стала просить о пропуске. Он пообещал походатайствовать за меня, но дать пропуска сам он не мог. Я вернулась домой. Там мне передали письмо от мужа. Он писал, что был уже допрос всем арестованным. В одной камере с мужем сидели наши купцы: Н. В. Якунин, М. С. Савин, В. Г. Бычков, Я. Б. Усачев и двое юношей Б. Виноградов и Н. Савин. При допросе мужу сказали: «Можете быть покойны. Вы свободы не получите».

Он спросил: «Это месть?»

— Да, месть за ваши статьи, — был ему ответ.

Письмо было написано на клочке газетной бумаги. Бедный муж просил прислать детей в сад, прилегающий к тюрьме. Ему хотелось хоть издали посмотреть на своих малышей. Он писал, что каждый день в 12 ч. и в 4 ч. он подходит к окну, к решетке и смотрит, не гуляют ли в саду его детишки...

Мы жили на противоположном конце города и никогда раньше в этот сад не ходили. Письма мужа были полны ласки и заботы о них.

Он писал, что в сердце у него еще теплится слабая надежда на сохранение жизни.

Я послала в прилегающий к тюрьме сад четырех старших детей. Только две младшие крошки остались дома. Сама я пришла в сад несколько позже. Отыскав детей, я сейчас же увидела и своего бедного заключенного, в четвертом окне второго этажа. Я горько плакала и показывала рукой на свое сердце, чтобы сказать: «Смотри, как мне больно. Как невыносимо тяжело и больно выносить то, что с тобой делают».

Он тоже отвечал понятными мне жестами, что и ему очень тяжело, и я видела, как он, бедный, горько плакал, глядя на нас из-за решетки. Несчастные дети, широко раскрыв глаза, смотрели на папу, который из-за тюремной решетки благословлял их и посылал им воздушные поцелуи. Он не сводил с них глаз и, казалось, не мог достаточно наглядеться на них. Подле него стоял у окна знакомый нам Савин, тоже арестованный. Сорок минут провели мы в этих немых разговорах, говорили глазами, сердцами, горестно и жадно глядя друг на друга.

Когда муж сделал знак рукой, чтобы мы уходили, мы пошли, не подозревая, что это свидание было последним, что мы уже не увидим его живым. И настала Пятница, страшная, злополучная Пятница, принеся мне такой тяжелый удар, удар, рубивший и мою жизнь, и жизнь детей. С

утра у нас что-то загорелось в трубе, мы испугались пожара. Поднялся переполох, из-за которого запоздал обед мужу. И когда няня принесла обед в тюрьму, ей там сказали, что Меньшикова увели в Штаб на допрос.

В этот же день сын Савина принес мне пакетик от мужа, это было утром. Развернув его, я выронила из бумаги обручальное кольцо и испугалась. Муж возвращал мне кольцо. Мне стало жутко и страшно. Задышавшись от волнения, я стала читать. Муж посылал прощальное письмо мне, детям, бабушке, друзьям и близким людям, любившим его, ценившим его. Он прощался со всеми и писал, что умирает жертвой евреев, не видя, не сознавая своей вины. Детям он посылал кусочки сахара и по леденцу. Читая и разглядывая

присланное, мы горько плакали. Долго не смолкали в нашей комнате стоны и рыдания. Мама старалась утешить нас и говорила, что муж по своей мнительности, может быть, преувеличивает опасность и напрасно только расстраивает себя и нас. Неужели не спасти его. Неужели правда перед ним смертельная опасность...

Окончательно теряя голову, я снова бросилась в Штаб. Надо было искать защиты, спасенья... Но где найдешь их? У входа в Штаб, внизу, у лестницы, я увидела того юношу, который накануне обещал мне свое ходатайство. Я узнала, его фамилия — Давидсон.

Увидав его, я подошла к нему и стала просить о пропуске. Он посмотрел на меня, взял меня за руку и сказал: «Как мне вас жаль. Зачем вы так убиваетесь, зачем. Не плачьте. Ваш муж будет жив. Завтра я вам достану пропуск к нему».

Я спросила: «А сегодня суда не будет?»

— Какой же может быть суд, когда Комиссар и Председатель суда уехали в Новгород. Успокойтесь, успокойтесь. Все будет хорошо.

— Да... Правда...

Мое наболевшее, измученное сердце переполнилось горячей благодарностью к этому доброму человеку. Видимо, он сочувствовал моему горю, понимал его. Я схватила его руки и стала с благодарностью целовать их, обливая их слезами. Как я благодарила его за себя и своих детей...

Я поверила тому, что он поможет спасти мужа, поможет сохранить ему жизнь. Ведь в этом все... В этом главное. Как ни ужасно, как ни мучительно все, что мы переживаем, но готовы терпеть и худшее, готовы выносить еще что угодно, только бы сохранить ему жизнь и не допустить злодеяния. Несколько успокоенная и обнадеженная Дэвидсоном, я иду домой и на городской площади встречаю знакомую купчиху. Она останавливает меня и радостно сообщает, что из Петрограда приехал некий Ликас и что он просил передать мне, что в Петрограде усиленно хлопочут за мужа. В разговорах об этом мы дошли до ее дома. Она вызвала Ликаса, который сейчас же рассказал мне, что инженер Оранжереев усиленно хлопочет об освобождении мужа. Переговорив с Ликасом, я решила немедленно послать еще в Петроград срочную телеграмму для ускорения и усиления ходатайства. У меня не было с собой денег, но Ликас вызвался сейчас же отправить телеграмму в Петроград. Прощаясь со мной, моя знакомая взяла с меня слово, что я сегодня же отслужу молебен св. Трифону и Иоанну Воину. И я вернулась домой почти вполне успокоенная.

Накормив обедом всех своих, я заперла дом, и мы все вместе: бабушка, няня, дети, я и прислуга пошли служить обещанный молебен на горе, подойдя к церкви, мы увидели, что собор и церковь Введения закрыты. Служить молебен можно было только на кладбище. Неужели Бог не хотел выслушать нашей общей дружной молитвы.

Мы снова приуныли. Стало тяжело и жутко. Я послала няню к тюрьме в сад, вместе с детьми напаяв, что муж уже вернулся туда, а сама поспешила отнести Ликасу деньги за телеграмму

пиджак, но муж уже вернулся туда, а сама поспешно отнесла утку с деньгами за телеграмму.

Хотелось убедиться в том, что он послал ее. Мама вернулась домой. Пока дети шли с няней к тюрьме, стал накрапывать дождь, поднялся ветер, все сильнее и сильнее, разыгралась настоящая буря. Видно, и небо возмутилось совершаемым грехом.

Разве не грех было это осуждение на казнь невинного человека, честного труженика, талантливого писателя, трудами и талантливостью которого гордилась бы всякая страна, в которой люди не сошли с ума.

Небо омрачилось. На озере забушевали волны. Лодки так и рвало, так и бросало. Казалось, любимое озеро моего мужа кипело гневом, скорбью и негодованием.

Дети с няней дошли до Штаба и остановились в воротах, чтобы переждать ливень и бурю. Только старшая моя девочка, 10-летняя Лидочка, невзирая на ливень, побежала в лавку за мясом. Остальные дети укрылись от непогоды в Штабе.

Няня услышала тут, что сейчас идет суд над моим мужем. Не прошло и десяти минут, как дети услышали громкое бряцание оружия, говор и смех, и на улицу высыпало человек 15 вооруженных солдат-красногвардейцев. Это была стража, окружающая мужа. Он шел среди них в одном пиджаке и своей серенькой шапочке. Он был бледен и поглядывал по сторонам, точно искал знакомого доброго лица. Неожиданно увидав детей так близко, он просиял, рванулся к ним, радостно схватил на руки самую маленькую Танечку и крепко-крепко прижал ее к груди. Муж поцеловал и перекрестил ее, хотел поцеловать и благословить и тянущуюся к нему Машеньку, которая с волнением ждала своей очереди, но его грубо окрикнули, приказывая идти вперед без проволок. Муж гордо посмотрел на них и сказал:

— Это мои дети. Прощайте, дети...

Он успел сказать няне, что его ведут на расстрел. Пораженная ужасом няня замерла на месте, затем убедилась, что его ведут действительно на расстрел, переулочком к берегу озера, которое он так любил. О подробностях казни нам после рассказывала мещанка, видевшая убийство из своего дома, находящегося напротив места расстрела. Придя под стражей на место казни, муж стал лицом к Иверскому монастырю, ясно видимому с этого места, опустился на колени и стал молиться.

Первый залп был дан для устрашения, однако этим выстрелом ранили левую руку мужа около кисти. Пуля вырвала кусок мяса. После этого выстрела муж оглянулся. Последовал новый залп. Стреляли в спину. Пуля прошла около сердца, а другая немного повыше желудка. Муж упал на землю. Лежа на земле, он конвульсивно бился, он бил руками об землю, судорожно схватывая пальцами ее. Сейчас же к нему подскочил Давидсон (будь он навеки проклят) с револьвером и выстрелил в упор два раза в левый висок.

Слова свои Давидсон, наконец, привел в действие. Как рассказывали после мне вместе сидевшие с мужем, при допросе (это было в тюрьме), при котором был и Давидсон, он сказал:

— Я сочту за великое счастье пустить Вам (мужу) пулю в лоб.

Дети расстрел своего папы издали видели и в ужасе плакали. Извергам было мало одной казни. Через четверть часа после расправы с мужем, бедным мучеником, на то же место привели другого невинно осужденного молодого человека, почти мальчика, сына уважаемого М. С. Савина. Восемнадцатилетний юноша, только что окончивший реальное училище, отсидел три месяца в тюрьме, после чего выслушал смертный приговор. Выйдя из Штаба, молодой человек увидел своего несчастного отца, который подошел к Давидсону и просил у него разрешения проститься с сыном.

Давидсон быстро ответил:

Давидсон у него ответил.

— Сделайте одолжение, если желаете, чтобы в результате оказалось два трупа, а не один.

А бедного юношу повели на то же место, где только что убили моего мужа. Несчастный старый отец шел сзади, издали благословляя сына и горестно выкрикивая, сквозь слезы:

— Прощай, дитя мое ненаглядное. Прощай моя радость, дорогой мой сын. Да благословит тебя Христос... Прощай сынок.

Но сын его шел храбро на расстрел. Встречаясь со знакомыми, он улыбался и прощался с ними. При повороте за угол в переулок, к месту казни, молодой Савин снял фуражку и в последний раз поклонился своему отцу, прощаясь с ним. Молодой человек просил, чтобы ему не стреляли в спину, говорил, что он готов встретить смерть лицом к лицу.

Этот мученик также был убит с нескольких залпов. Двумя пулями в сердце и одной в живот он был убит. Но когда этот юноша упал на землю, к нему подбежал красногвардеец и еще раз выстрелил в упор в висок. Мозги вылетели у молодого человека, обрызгав издевавшегося над убитым. Во время второго издевательства над жизнью человека труп мужа еще лежал тут же.

После свершения казни Давидсон подошел к убитому горем старику и сказал ему с изысканной любезностью:

— Ваш сынок прислал Вам последний привет. — И он сделал жест рукой, означавший, что сына уже нет в живых.

Отец-Савин стал просить, чтобы ему выдали тело убитого. Давидсон разрешил это, а затем отправился еще в квартиру казненного, чтобы передать последний привет сына несчастной матери.

Отцу убитого юноши, когда он увозил тело сына домой, пришлось мозг подбирать в платок.

Пока совершались эти ужасные злодеяния, я ничего не подозревая и твердо надеясь на успех Петроградского ходатайства, отнесла деньги за телеграмму и спокойно пошла домой. Я не слыхала даже выстрелов, которые слышали все, кто был на улицах. Проходя мимо дома моих знакомых — Птицыных, я увидела заплаканные лица девочек. Я также заметила, что их прислуга, увидав меня с балкона, точно отшатнулась в ужасе. — «Что с ним, что такое?..» Я вошла к ним и прямо спросила: «Что случилось?»

Елизавета Петровна Птицына, смущенная и печальная, ничего не ответила, но молча поднесла мне ложку брома. Я удивленно спрашивала, зачем это, и говорила, что я совсем спокойна.

Тогда она сказала, что в Штабе идет суд над мужем и чтобы я шла туда. Я не поверила. Ведь мне сказали, что суда не будет. Но она настаивала на том и дала мне в провожатые своего взрослого сына Костю.

Мы побежали вдвоем под страшным ливнем. Поднимаясь по лестнице на площадке, в густых облаках табачного дыма я увидела мальчишек-красногвардейцев, довольных, сытых, гогочущих. Спрашиваю:

— Правда ли, что судят Меньшикова?..

В ответ взрыв грубого хохота. И сквозь смех вопросы:

— Это ученого этого? Это профессора в золотых очках? Да его уже давно расстреляли на берегу озера.

Я, как ужаленная, вскрикнула:

— Звери проклятые...

Толпа бросилась на меня с винтовками.

— Ты смотри, — кричали солдаты. — Ты у нас поговори...

Но я потеряла сознание и тут же упала, как мертвая. После того, как на меня вылили ковш холодной воды, я очнулась. Я обезумела от горя и ужаса. Мысли мешались. Я то рвалась к озеру, то просилась в тюрьму. Костя Птицын не отходил от меня и отвез домой. Здесь ждало меня новое горе с мучительнейшими переживаниями. Я увидела моих несчастных сирот, измокших, дрожащих, бледных, перепуганных и горько рыдающих. Больше всех

убивалась и плакала трехлетняя Машенька. Она ломала крошечные ручонки, горестно твердила, не переставая: «Папочку убили злые люди...»

Моя старшая дочь Лидочка, возвращаясь одна из лавки, почему-то пошла не обычным кратчайшим путем, а берегом озера. Подойдя к краю берега, она увидела на земле что-то прикрытое плащом и на вопрос к стоящим тут же людям, что это, бедной девочке ответили: «Твой папа». Лида зарыдала и бросилась бежать домой. Она сказала мне, что и сама узнала папу по сапогам, узнала по его ногам.

Непрерывные вопли и плач все время стояли у нас в квартире, включая и прислугу.

Бабушка и Лидочка поехали в Штаб просить, чтобы нам отдали тело мужа. Выслушав просьбу бабушки, Давидсон сказал:

— Кто что заслужил, то и получил.

Бабушка заметила:

— Зять мой далеко не то получил, что заслужил.

Услышав ее слова, красногвардейцы стали негодовать и сказали ей: «Ты, бабка, помалкивай, а то и с тобой разделаемся. Бери свое собачье мясо. Нам оно не нужно».

Перепуганная Лидочка стала торопить бабушку домой. Тела все равно еще нельзя было получить, т. к. милиция была закрыта. Когда мать моя выходила из Штаба, Давидсон, преисполненный услужливости, вынес ей пальто мужа.

И вот настала страшная, убийственная, мучительная ночь. Надо было понять, перенести, пережить эту ночь, понять, что не спасли, дали убить, казнить, Боже, Боже... Утром в Субботу я отправилась в милицию с няней Иришей, где я получила разрешение на выдачу мне тела. Мы вошли в покойницкую при земской больнице. Муж лежал на полу. Голова его была откинута назад. Он лежал с открытыми глазами, в очках. Во взгляде его не было ни тени страха, только бесконечное страдание. Выражение, какое видишь на изображениях мучеников. Правая рука мужа осталась согнутой и застыла с пальцами, твердо сложенными для крестного знамения. Умирая, он осенял себя крестом. Я упала перед ним на колени, положила голову на его израненную грудь и, не помня себя от муки, долго выла и голосила, как простая баба. Я силилась приподнять дорогую мне голову, но не могла. А из окружающих никто не хотел помочь мне. Вероятно боялись.

С величайшим трудом мы все же вдвоем с Иришей подняли тело и положили его на дрожки. Я обняла моего покойника и так повезла через весь город. Не знаю, какими словами передать все то, что я чувствовала, убитая горем, беременная, пораженная так неожиданно разразившимися событиями.

Я так гордилась мужем, гордилась его умом, душой и талантом, его честностью и правдивостью, его трудолюбием. Как ни чернили его своей клеветой несогласные с ним писатели, все же много было людей понимавших и ценивших его. И за детей я гордилась таким отцом. Я знала, что во всякой другой стране его ценили бы, берегли и оградили. А здесь... За что у меня отняли и так зверски такого мужа, у детей такого отца. Теперь мне осталось только это дорогое, холодное, изувеченное тело человека, с которым я жила одной жизнью.

Мы привезли его домой. Ушел под стражей, вернулся холодным трупом. Спасибо соседи мои Степановы помогли мне внести его в дом и положить на стол. Бедные дети, пораженные, испуганные, печальные подошли к нему близко. И все мы вместе плакали.

Труп заоченел. Пришлось разрезать одежду, и мы увидели его ужасные раны. Стреляли в сердце. В груди был вырван кусок тела. Мы стали закладывать раны марлей, промывать и забинтовывать их. Убрав тело, мы положили его на стол. Изверги, что они сделали с ним...

На второй день, слава Богу, в мое отсутствие зашел к нам Давидсон. Он попросил показать ему покойника, но мама не исполнила его желания. Тогда он повторил: «Кто что заслужил, то и получил».

Бабушка спросила его, почему пуля засела в лобной кости, ведь стреляли в сердце. Убийца сказал:

— Это сделал я, чтобы прекратить конвульсии...

Он сказал еще бабушке, что был поражен героизмом, с которым муж шел на казнь.

Мама моя ответила:

— Зять мой и не мог идти иначе.

Увидав у нас портреты мужа, Давидсон стал просить, чтобы ему отдали один из них. Мама отказала.

Няня же Ириша, думая, что он искренно желает получить изображение покойного, вынесла принадлежащий ей фотографический снимок и отдала ему. Его вывесили в Штабе с надписью:

«Меньшиков, расстрелянный 7 сентября, как контрреволюционер, вместе с Косаговым и Савиным». Места, где засели пули, на фотографии были также прострелены.

Давидсон также спросил мою мать, каково мое материальное положение. На ответ мамы, что очень тяжелое, он заметил, что МЫ позаботимся о детях и поместим их в школы. Он вынул 5 керенок по 20 рублей и протянул их маме для передачи мне. Мама подумала, что это деньги убитого, хотела дать ему квитанцию в получении их, но Давидсон с важностью сказал:

— Нет, это мое личное пожертвование, мое пособие вашей дочери.

— Простите, но я не посмею предложить ваших денег дочери, — так отвечала мама на его пожертвование, и ему пришлось убрать свои сребреники. Кроме него, к нам из Штаба приезжал еще верховой, сын комиссара Губы. Он отпартовал, что прислан из Штаба просить у меня цветов из нашего сада для украшения могилы убитого комиссара Николаева. Я сказала, что у меня нет цветов даже для своего дорогого покойника, а если они желают наломать цветов в саду, пусть ломают.

Похоронили мы нашего талантливого журналиста и критика очень скромно на кладбище у вокзала. Могилу вырыли у самого алтаря кладбищенской церкви.

Дети горько и неутешно плакали, и опять больше всех убивалась и рыдала маленькая Машенька. Заливаясь горячими слезами, она горестно бормотала:

— Бедный мой папочка. Бедный, бедный папочка.

Глядя на их непосильное детское горе, хоронивший мужа священник тоже плакал. После погребения мужа, я просила копию с приговора суда. Мне ее дали. В этом документе вина мужа была обозначена, как явное неподчинение Советской власти.

Зная, что это совсем неправда, я спросила выдавших копию.

— В чем же, однако, выразилось это неподчинение. Когда, кому и где он не подчинялся?

Мне ответили:

— Он подчинялся Совету из-под палки.

Место расстрела М. О. Меньшикова

Место расстрела М. О. Меньшикова

И за это убили человека с душой и талантом, конечно, убили не ведая, что творят.

И после такой жестокой и возмутительной расправы с моим мужем ко мне еще явился Председатель «ИХ» клуба, заявить, что ему нужны для клуба висячие лампы и люстры.

Впрочем, взглянув на мою лампу и вообще на нашу нищенскую обстановку, он сейчас же сконфуженно удалился. В сороковой день после смерти мужа явился ко мне другой военный тоже из клуба, чтобы я отдала им библиотеку мужа. Я сказала, что у покойного не было библиотеки. Остались кое-какие научные книги, которые едва ли пригодятся для клуба.

Почему, — обиделся пришедший, — у нас в клубе все высокообразованные люди.

Позже я узнала, что на суде мужа был один очевидец, случайно попавший туда. В день суда он проходил мимо штаба и очень удивился, увидев среди красногвардейцев своего бывшего товарища по школе. Он спросил: — Как ты попал сюда? — Из-за хлеба, — отвечал тот, — да и не рад, теперь вот расстреливать людей заставляют. Сегодня Меньшикова поведем. Хочешь послушать суд? Они пошли и сели. Вызвали моего мужа. Он был спокоен. Комиссар Губа прочитал ему приговор к смерти через расстрел. Муж вздрогнул и побледнел. Его спросили: — Что вы имеете сказать? Муж не проронил ни звука и после нескольких минут глубокого молчания его повели на расстрел. Очевидцы мне также рассказывали, что русские солдаты не согласились расстреливать мужа и отказались. Тогда были посланы инородцы и дети — сыновья комиссара Губы. Одному 15, а другому 13 лет. — — — 250 Вот что мы пережили, вот какое страшное горе обрушилось на нас, и так внезапно, так неожиданно. Пришли, схватили, увели, замучили и убили. Казнили за неподчинение Советской власти, ни в чем однако не проявленное и ничем не доказанное. Но судьями были: Якобсон, Давидсон, Гильфонт и Губа... Несчастная наша Родина. Записано со слов М. В. Меньшиковой — Лидией Ивановной Веселитской 22 сентября 1918 г. в «Известиях Всероссийского ЦИК советов рабочих, солдатских и казачьих депутатов Моссовета рабочих и красноармейских депутатов» было опубликовано следующее сообщение: РАССТРЕЛ МЕНЬШИКОВА НОВГОРОД, 21 сентября. Чрезвычайным полевым штабом, в Валдае расстрелян известный черносотенный публицист Меньшиков. При нем найдено письмо князю Львову. Раскрыт монархический заговор, во главе которого стоял Меньшиков. Издавалась подпольная черносотенная газета, призывающая к свержению Советской власти. (РОСТА)

Письма М. О. Меньшикова к О. А. Фрибес

Меньшиков М. О. Письмо Фрибес О. А., 17/30 июня 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 258—260. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

17/30 VI.1918.

Дорогая Ольга Александровна, пишу Вам вернувшись из Москвы, где я пробыл всего два дня. Познакомился с моими будущими хозяевами, заводчиками Бажановыми: чрезвычайно любезные господа, приняли меня как родного. Занятия предлагают как я сам выберу, не связывая меня ни временем, ни количеством работы. Жалованье пока предлагают тысячу рублей в месяц с обещанием прибавки в недалеком будущем.

Завод расположен в местности почти идиллической, за триумфальными воротами, среди домов, потонувших в зелени. Завод работает холодным способом, без копоты и дыма, электрической энергией и потому воздух очень чистый.

О. А. Фрибес

О. А. Фрибес

Против моей конторы маленький огород и садик, в котором я мечтаю повесить гамак, если в самом деле решусь переехать в Москву: между нами будь сказано, мне этого очень не хочется, слишком уж я привязался к моим милым ребятишкам. В Москве видел Сытина, и вместо врага, каким я его считал пятнадцать лет, встретил почти друга, и во всяком случае очень расположенного ко мне человека. Он сказал даже, что когда-то воспитывался на моих критических статьях в «Неделе» и что эти статьи будто бы имели огромный успех. К сожалению, Сытин сам теперь накануне полного разорения, ограбленный дочиста революцией. Он говорит, что до того отрезвел за последнее время, что считает и разорение свое, и даже смерть, если бы пришлось пережить ее, заслуженным наказанием за то ужасное ослепление, с каким он столько лет способствовал распространению толстовских и других разрушительных идей... Как Вам понравился такой душевный поворот? Сейчас Сытин до того угнетен раскаянием, что хочет идти в монахи... К счастью, это до сих пор еще столько свежий и сильный старец, несмотря на его шестьдесят семь лет, что весь горит жаждой практического дела. Он рассказал мне о своих широких издательских планах. Он совсем было организовал большую народную газету религиозно-нравственно-культурного

направления*, но большевики сорвали дело. Он предложил мне принять участие в серии морально-религиозных изданий московского кружка писателей: Булгакова, Дурылина, Новоселова и др. Говорит, что я могу начать свою самостоятельную серию брошюр и предлагает издать даже некоторые старые мои сочинения. Согласитесь, дорогая, что в моем отчаянном положении это больше, чем соломинка для утопающего. Мы с Сытиным уговорились было ехать сегодня в Троице-Сергиеву лавру, где хотели навестить Розанова, но его задержал бумажный комитет и мы отложили поездку до моего следующего приезда. Сытин очень советует мне переселиться в Москву, где видимо, хотел бы извлечь из меня остатки содержания... Я этому его замыслу, если он у него есть, конечно, аплодирую, но во глубине сердца жаль менять тихую обитель Валдайскую на шумную и суетную Москву...

Говорила ли Вам Мария Владимировна еще об одной фантастической возможности для меня работать в петербургской печати, устроенной без моего ведома Яшей и уже кажется рассыпавшейся подобно первой?.. Последнее время вижу себя окруженным радужными мыльными пузырями, лопающимися в самый соблазнительный момент. Не скрою, что чувствую около себя промысл, старающийся меня спасти. Посылаю Вам это письмо, писанное для практики на машинке — это второй урок — в немалой тревоге: сегодня здесь распространились

упорные слухи о надвигающейся на этих днях железно-дорожной забастовке. Боюсь, как бы моя Марья Владимировна не застряла в Петрограде...

Вы представить себе не можете, дорогая, как больно мне было прочесть известие, что вы были больны и плохо выглядите. Право, подумайте о Валдае, где могли бы хоть временно отдохнуть не стесняя нас. Поговорите на эту тему с Вашей кумой серьезно. Если и в Питере говорят о забастовке, то пусть Маменька наша поторапливается. Дружеский привет Верочке и тысячи поцелуев более или менее опрятных от моих херувишек. Адмирал, везший вам письмо с небольшой посылкой, говорит, что потерял письмо, посылку же будто бы доставил... жаль: письмо мое заключало в себе целый кажется трактат, о чем — хоть убейте не помню. Урок — не вверять своих мыслей писарям из престарелых адмиралов. Христос с вами. Целую вас лобзанием святым, выражаясь словами известного вам автора.

Ваш М. Меньшиков.

* куда рассчитывал пригласить меня и Розанова (написано рукой Меньшикова — Ю. А.).

Меньшиков М. О. Письмо Фрибес О. А., 8/21 июня 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 258. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

8/21.VI.18.

Дорогая О. А., вместо письма посылаю живую говорящую рукопись — мою жену, она расскажет многое невероятно запутанное в нашей жизни, как у плохих романистов. Возможно, что нам или во всяком случае мне придется покинуть Валдай и переметнуться в Москву, — не скрою, что у меня по этому поводу очень тяжело на сердце. Если бы не подлая угроза в недалеком будущем голодной смерти детей, никогда бы кажется не покинул этого земного рая рядом с Обителью Царицы Небесной Иверской (рая — в солнечную, как сейчас — погоду). Вопрос этот еще не вполне закончен, но в Москву, на разведки, все-таки необходимо съездить. Не каждый день сваливаются с луны великодушные поклонники (с предложением прислать несколько тысяч в аванс за конторскую работу, цена которой, конечно, тоже преувеличенная: 1000 р. в месяц). М. Влад. расскажет, в чем дело. И Сытин, желающий переговорить, вероятно, что-нибудь предложит кроме удовольствия поболтать с ним четверть часа. Расставаться с семьей, бросать все гнездо и селиться вновь, как 40 лет назад, в загаженных мебелишках, очень грустно. Но посмотрим, как все это сложится и утрясется. Пишите, дорогая, хоть с М. В. побольше!

Ваш М. М.

Меньшиков М. О. Письмо Фрибес О. А., 1/2 декабря 1917 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 252—253. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

1/2 6 вечера.

Только что ушли из моей комнаты четверо стариков. Перевожу им каждый день по две сказки из «1001 ночи». Жаль, что Вы нам не дали «избранных» сказок Шахразады — приходится читать им все подряд. А утром мы сделали чудную прогулку по озеру... Лед еще тонкий и прозрачный, местами виден подводный мир. Ходили на ближайшие острова. Погода солнечная и воздух альпийский. Обед был недурен: гороховый суп, котлеты с картофелем и свекольным соусом и даже с солеными огурцами, а к кофе —

по кусочку пирога деревенского. Неожиданно пришла почта — за целые три дня! Из «Русск[ого]

Слова» узнали многое грустное, что Вам известно... Между прочим, тот самый Азов, куда я

собирался спасти семью, дал для учред[ительного] собрания большинство большевикам, а на Донскую Область движутся и с Кавк[азского] фронта и из Черном[орского] флота, и с севера отряды для войны с Калединым¹⁸⁴. Какой материал для оперы будущего! Одновременно убийство Духонина¹⁸⁵ и интронизация патриарха Московского¹⁸⁶! События напоминают предсмертный бред. Умирающая Россия сразу припоминает все страстное, чем жила: и смуту, и вольницу, и тиранию, и пугачевщину, и патриаршество, и самозванство.

Вы пишете, что читаете Тургенева, — я, несчастный, забыл Тургенева в Царском! Впрочем, некоторое время я решил не читать вовсе русских романов, а читать только франц[узские], английские и немецкие по методу Ле-Бона. Не можете ли мне прислать то, что у Вас есть одновременно по-русски и по-английски? Ежели Сю, например, или Дюма?

Ураган войны, кажется, затихает. Перемирие заключено на 10 дней. Немцы повалили-таки несчастную Россию.

Не слыхали ли Вы чего-ниб[удь] о Гос[ударственном] Б[анке], можно ли оттуда вынуть свои бумаги или нет. Господи, до чего же мне иногда хочется в Пб.! Просто по Невскому хотя бы пройтись. Теперешняя жизнь мне напоминает бурное плавание в Океане и Средиз[емном] море осенью 1878 г. Несмотря на жестокую трепку при 7 узл[ах]хода, мы все-таки жили надеждой добраться до цели, до Италии и Греции. И добрались, и видели их весной и летом.

Будьте же пока здоровы и бодры духом.

Привет Вере Михайловне.

Ваш М. О. М.

Меньшиков М. О. Письмо Фрибес О. А., 26 ноября 1917 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 252. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

26. XI.1917.

Спасибо за газеты, дорогая О. А., но еще лучше, если бы Вы сообщили самые последние новости из газет. Мы не получаем неск[олько] дней никаких изданий — ни Пб., ни Моск[овских], — очевидно, они запрещены. Дожили, стало быть, до железной диктатуры, т. е. до настоящего, не призрачного самодержавия. Вам, а особенно m-me Мордвиновой, должен нравиться этот стиль власти. Свобода по боку. Из древней Троицы революции очередь обожания за Равенством. Во имя Равенства растаптывается и Свобода, и Братство. Стремление к Равенству есть просто-напросто взрыв самого тяжелого человеческого порока — зависти. Зная хорошо, что для подавляющего большинства народного конкуренция с более развитыми и даровитыми классами невозможна, демос выбрасывает конкуренцию из машины общества. Будет ли без этой могучей пружины общество работать, об этом пока не интересуются. Я боюсь, что работоспособность этой машины во всяком случае очень понизится. Напишите, милая, какие газеты выходят и неужели вся буржуазная печать остановлена? Отнятие объяснений убивает печать и вместе то сословие, к которому я принадлежу. Придется пробавляться памфлетами, брошюрами или кустарными «дневниками».

Напишите, если знаете, что Розановы? Где они? Как себя чувствует Вас[илий] Вас[ильевич]? Сообщите ему мой адрес, не откликнется ли хоть открыткой. Есть ли в поле жив человек? Читал приказ об аресте в числе других членов «Нов[ого] Вр[емени]» и бедного Буренина¹⁸². 75 лет, тяжелая грыжа — и тюрьма невеста за какую провинность. Что Тернавцевы? Мика сегодня окончил азбуку, сост[авленную] Тернавцевым¹⁸³. Я убедился еще раз проштудировав с детьми

несколько азбук, до чего Россия сгнила. Даже такой религиозно-философский ум, как

Тернавцев, не мог составить азбуки иначе, как демократически-светской с оттенком большой пошлости. И крестьянских и некрестьянских детишек спешат набивать, как чучела, трухой из простонародного юмора, цена которому грош. Ясно, что религии наши все выдохлись, как склянка из-под духов: остался раззолоченный ярлык. А между тем здесь, в Валдае, в одиночестве я более, чем когда-либо, ощущаю возможность великой и подлинной веры. Не православной, конечно, и не протестантской.

Меньшиков М. О. Письмо Фрибес О. А., 4/17 июля 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 261. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

4/17.VII.918. Валдай.

Милая Ольга Александровна, пишу еще несколько строк в дополнение ко вчерашнему: ночь прошла спокойно, по улицам мирного городка бродили патрули из латышей, моего сына подняли рано утром и заставили идти с военным отрядом в соседнее село для отобрания разграбленных ружей и пулеметов. Экспедиция не лишенная опасности, но к счастью обошедшаяся без кровопролития. Что-то будет дальше. Архимандрит еще жив и есть даже надежда на его выздоровление, если не будет перекардита, температура пока нормальная, но слабость велика. Если выздоровеет, то Вы обязаны приехать в Валдай и навестить этого праведного монаха, который чуть было не сделался мучеником за народ и церковь. Опасность еще не прошла и, может быть, в следующем письме я помяну вместе с Вами раба Божия Иосифа. Что еще написать Вам интересного. Из всех слабых сил стараюсь пристроить себя какой-либо литературной работе, пишу для Сытина, но все выходит так скучно, что хоть брось... Когда-нибудь вы все-таки прочтете кое-что из моих теперешних писаний. Дождемся ли, дорогая, лучших времен? Ну-с, прощайте.

Целую Вашу милую руку и жду весточки.

М. Меньшиков.

Меньшиков М. О. Письмо Фрибес О. А., 3/16 июля 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 260—261. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

3/16.VII.918.

Не знаю, милая Ольга Александровна, когда дойдет до Вас это письмо и потому заранее поздравляю Вас с днем Ангела. ВОЗМОЖНО, что вы уже слышали о кровавых событиях в Валдае. Произошло маленькое народное восстание в простонародном стиле. Местный совдеп хотел отобрать у Иверского монастыря запас хлеба, народ не дал, главным образом бабы. Тогда совдеп выписал из Демянска 150 человек красноармейцев, которые и двинулись на монастырь ночью, на лодках, с пулеметами и винтовками. Отобрали 48 мешков, оставив самим монахам лишь три мешка. Народ ударил в набат, бросился грабить склады оружия местного совдепа, вытащил винтовки и пулеметы и в свою очередь осадил осаждающих в монастыре. Испугавшиеся красноармейцы отчасти рассеялись по островам, отчасти

сдались, вернув хлеб, но было уже поздно. Чтобы выкрутиться из беды, красноармейцы взяли архимандрита, посадили его с собою в лодку и поехали в Валдай, но их встретили выстрелами. Красноармейцы велели архимандриту стать во весь рост: в тебя, мол, отец, палить не будут. Первым же выстрелом из пулемета несчастному игумену разбило три ребра и легкое... Будет ли жив — бог знает. А я всего дня четыре тому назад был у архимандрита, мирно беседовал с ним,

пил чай и ни я, ни он не предполагали, что смерть уже витает над одним из нас. Вчера же

приехали латыши с пулеметами, ввели военное положение, назначили военно-революционный штаб. Предстоят военные суды и расстрелы... Мы пока в стороне от политики, но сын мой Яша уже втянут в машину этой анархии как заведующий складом оружия, теперь разграбленного. Не знаем, что будет дальше. Голод продолжается, едим хлеб пополам со жмыхом, черный как сажа, но довольно вкусный, к сожалению и того немного. Едим давно впроголодь и все порядочно похудели. Дети пока здоровы и в остальном все благополучно.

Посылаю Вам, дорогая, 2 фунтика масла, чтобы подмаслить немножко именины. К сожалению, ни сахара, ни чего более существенного не имеется. Что Вы думаете — газета «Эра»? Читали ли Вы ее? Податель этого письма мой сослуживец Абрамычев хорошо знал Софью Дм. Арсеньеву²⁰⁰ и считает ее своею благодетельницей. Он очень милый и порядочный молодой человек и Ваш сосед (в Валдае лишь на лето, а служит в Никол. военном госпитале).

Христос с Вами. Все Вам кланяются.

Ваш М. Меньшиков.

P. S. В народе уже говорят, что архимандрита ранили не из пулемета, а большевик бацнул ему в бок из револьвера. Жалеют очень.

Меньшиков М. О. Письмо Фрибес О. А., 10 января 1918 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 256—258. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

10.I.1918.

Из экономии пишу Вам, милая О. Ал. на поздравлении Лидочки, поднесенном мне на елке. Как видите, ее успехи в немецком недурны для начала. Еще лучше идет дело с французским языком, и даже Лека изумила меня тем, что «начинает читать на французском совсем недурно. Все это трудами нашей чудной бабушки. Вот на ком бы мне нужно было жениться — на своей теще, если бы да кабы. Или на горничной Поле, — у той тоже очаровательный характер. Да мало ли на свете мягких женских душ! У меня была кузина Анюта, унаследовавшая, вопреки Шопенгауэру, характер не от

отца своего (грубого и жестокого), а от матери, столь же доброй и спокойной. В эту кузину я был влюблен, когда ей было 7 лет, а мне 13. Затем мы много лет не виделись. Когда вновь стали встречаться, ей было 24, мне 30. Оба были совершенно свободны. Установилась дружба, сердечная заинтересованность и т. д., но вот она умирает, в одну неделю пожранная тифом. И только тогда, по глубокой печали, которую я пережил, я почувствовал, что я ее любил несколько серьезнее, чем двоюродный брат. Думаю, что она, как и Елена Фальк, умерла рано, ужаснувшись того, что могло бы быть. Хотя это и нелепо, но мне кажется мы живем и входим в отношения друг с другом вне нашего сознания, — и вот тут-то, за порогом сознания, души рассматривают друг друга в их абсолютной сущности, в прошлом и будущем, а не только в настоящем, и именно тут решают жить им вместе или не жить. Похоже на то, что я разочаровал моих милых девочек, из которых одна, именно Анюта, была ангелом.

К чему я рассказываю Вам этот роман — не только без конца, но и без начала? А так просто. Жутко жить на свете, дорогая, и скоро конец мой. Поэтому наблюдая в своей семье два хороших женских характера — у бабушки и у горничной — я невольно чувствую вздох о том, чего не было и что могло бы быть.

Вы пытаетесь, друг, утешить, убедить в кратковременности наших бед. Спасибо, — но конечно, я держусь другого мнения. Мировая катастрофа еще не кончилась, она только что началась.

Уверен, что какое-то новое небо и какая-то новая земля сложится после светопреставления, но едва ли мы доживем до этого. Я лично сильно иду на убыль, хую, чувствую увядание тела и даже духа. Пора! Только дети, как ангелы 90-го псалма¹⁹³, еще поддерживают немножко на трудном и скучном пути жизни.

Посылаю Вам бандероль В. В. Розанова. Таую же посылку и с той же дружеской надписью получил и я от него. Вероятно, он не знает, где Вы и не может допустить мысли, чтобы Вы — одинокая и свободная — могли добровольно остаться в пасти львиной и печи огненной. Не знаю, как Вам, — мне «Апокалипсис»¹⁹⁴ Василия Суеслова казался несколько ниже, чем книга того же названия Иоанна Богослова. Есть несколько красивых арабесок мысли, но в общем гибнущая родина могла бы иметь право услышать нечто более значительное от бывших своих писателей. Чувствую, впрочем, и себя не более как суесловом пред громадной задачей сказать что-нибудь в час смертный, что могло бы остановить ооченение сердца слушателей, что могло бы заставить это сердце забиться жизнью...

То сердце не научится любить, Которое устало ненавидеть.

Все беды наши — русских людей — те, что слишком много десятилетий (и веков) мы провели во взаимной ненависти, раздражении, точно в клоповнике или осинем гнезде. Почитайте Флетчера¹⁹⁶, Маржерета¹⁹⁷, Олеария¹⁹⁸, Герберштейна¹⁹⁹. Омерзительно жилось и нашим распрадедам. Стало быть это свойство нашей расы. Народ русский своего рода Анчар, насыщенный ядом, — «природа жаждущих степей его в час гнева породила»...

Но «журнальчик-с-пальчик» нашего друга расшевелил все-таки мою инертность. Ведь и я мечтаю об этом! Но я трезвее В. В. и на явную неудачу идти не хую. Пока же пишу себе да пописываю для одного читателя — самого Меньшикова. В числе разных других начатых вещей знаете, какую я завел

тетрадоочку? «Проповеди». Когда подкатывает волна настроений моих предков — попов, я воображаю, что мог бы сказать прихожанам, будь я сельским священником. Составится книжка, которую когда-нибудь отпечатаем. Закончил маленький этюдик «Страшный Суд». Есть и еще несколько интересных для меня тетрадоочек...

Спасибо милой Вере Мих. за Гауффа (если он по-немецки). Поручаю М. Вл. расплатиться за него. Не забывайте меня, дорогая О. А., ведь в самом деле если не дни, то годы наши сочтены. Газет нынче мы не получаем, — кроме «Известий С. Д.», да и то изредка, ничего не знаем. Сейчас на улице раздался ружейный выстрел... Слышали, какие ужасы в Новгороде? Они возможны и у нас. А потому будем поддерживать общение. Дети пишут отдельно. Христос с Вами.

Ваш М.

Из экономии отпускаем бонну и горничную.

Sauve qui peut!*

* Спасайся, кто может! (фр.).

Меньшиков М. О. Письмо Фрибес О. А., 22 декабря 1917 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 255—256. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

22.XII.917. Валдай.

Дорогая Ольга Ал., Грюнман привез прилагательные к нам письма и существительное к ним. Оно спрятано от детей до елки, почему благодарностей от них ждите после праздников. Спасибо, милая, за Ваше внимание к моим ветвям. Знаете, что между прочим напоминает мне это трогательное Ваше — в отношении меня — призвание (быть дружественной и любезной) — Ваша зеленая с цветами скатерть. Мы с Микой ежедневно сидим утром в гостиной vis-a-vis этой скатерти и пока он тонким голоском выкрикивает: «Пох ска-сал Аф-ра-аму»... и пр., я люблю удивительным сочетанием пламенного бархата, шелка и парчи на скатерти, на нежно зеленом, как лагуна в Венеции, фоне. Чудный талант критики красок «не расцвел, а отцвел в утре пасмурных дней» Ваших. Судьбы человеческие, подобно Божиим, неисповедимы. Для меня навсегда останется загадкой, как это Вы, будучи тонко-талантливой беллетристкой пали во время оно до «Невы» и как будучи тонко-даровитой художницей-колористкой пали до кукол, хотя бы не лишенных вкуса? Иншаллах! Кыismet! как говорят турки. Знаменитую скатерть Вашу я завещаю Лидочке, но перед этим хочу снять с нее цветную фотографию, когда придет Самсонов, или попросить Олечку срисовать цветочный бордюр скатерти акварелью.

И Вас и себя считаю по нынешним временам отдаленным потомством Авеля. Мы в разной степени — Вы в большей, я в меньшей — представители все-таки свободной и аристократической культуры. Вы — в области вкуса, я — в области мысли. Мы — последние «пастухи стад», хотя бы человеческих. Старший брат наш, земледелец Каин, воззавидовал острой, доходящей до раскаленной ненависти завистью Вашей скатерти, Вашей «Тихой пристани»¹⁹⁰, опрятному быту буржуев, их образованию и таланту, Исаакиевскому Собору и Зимнему дворцу. Все это не по рылу копошащемся в земле и дикому, как земля, первочеловеку. Прирожденному цинику захотелось крови стойка и эпикурейца. И он, будьте уверены, дорвется до этой крови, насытится ею как в 1793 г. Заметьте поведение Божие в истории Каина. Бог ограничился тем, что сказал нравоучительную сентенцию: «Грех лежит у порога, но ты господствуй над ним». Однако побуждений и сил справиться с грехом Он, Всемогущий, не дал Каину, а дал почему-то греху побуждения и силы властвовать над человеком. И затем, когда праведный Абель повалился с раздробленным черепом, Господь высказал порицание убийце — не более, оградив его от самосуда родственников. Что-то нечисто в этой истории, как хотите, Абель мо[жет] быть сделал бы лучше вместо того, чтобы приносить жертвы, дым к[ото]рых шел к небесам, — запасся бы хорошей дубиной против воплощенного дьявола, к[ото]рого Господь послал ему вместо старшего брата. Читая Библию, я что-то не заметил, чтобы Абель воскрес и получил какое-то вознаграждение: что с возу жизни упало, пишите, мой друг, пропало. Поваленное грозою дерево не поднимается. Взамен убитого аристократа Господь создал буржуа — Сифа, но каинисты возобладали и довели человечество до извращения плоти, до потопа. То, что совершается теперь, всегда было и всегда будет, только кажется трагически-жгучим, ибо касается нашей кожи. По-моему всякая социальная и личная несправедливость от каинизма. Народ эту свою черту выразил не только в современной пугачевщине (или в старых бунтах), но и в таких явлениях, как феодальная тирания и опричнина Грозного.

Грюнман вероятно говорил Вам, что тотчас после нашего отъезда их огромная старая усадьба была ограблена, до Шербюлье¹⁹¹ и Анатоля Франса, к[ото]рых я там читал, включительно. Грабила ближайшая — в двух шагах — облагодетельствованная деревня Небылицы из 70 дворов. Растащили все, нужное и ненужное, и частью истребили. Нарядились в барское белье и платье, в золотые часы с цепочками и пошли хвастаться в другую деревню за 12 верст. Те (из зависти!) поколотили грабителей, а может быть и сожгут их. Вот что значит обеспечить Каину безопасность.

У нас в Валдае и кругом неспокойно. Все поговаривают об общем грабеже народа, и как только у нас соорганизовалась некоторая милиция, тотчас же прислали большевиков и красногвардейцев якобы для «защиты» города. Но большевики и красногвардейцы, как рассказ[ывал] Грюнм[ан], — из местных жителей, братья и сваты грабителей... На днях я зашел к городскому голове, инженеру Оранжерееву, — испуганная мать-старуха, и молодая жена сообщили, что Коля арестован и его увезли в П[етер]б[ург]. Тщетно буржуи вопили, что он член Ж[елезно]д[орожного] совета и пр. Единственная вина — та, что он будто бы кадет, т. е.

контрреволюционер¹⁹². Арестовали также воинского начальника-старичка и намечен ряд других «устрашающих» арестов. Это у нас-то, в Валдае!

Получил из Царского С. от дворничихи своего дома сообщение, что отбираются мест[ным] Сов[етом] Солд[атских] и Раб[очих] депутатов сведения о доме на предмет отобрания «частной собственности». Стало быть и этот корешок, питающий нас, подрубен. Все мои бумаги, как Вы знаете, в Государственном Банке, к[ото]рый тоже отобран. Если в январе не выдадут %, то как мы будем жить — не постигаю. Ни заработка, ни пенсии, ни возможности распродать что-нибудь из бумаг или домов. Вчера в газетах прочел, что на Черномор[ском] берегу объявлена Новороссийская республика. Очевидно и сочинские мои владения улетели в трубу. И все это сделали не татары, не японцы, не немцы, а собственное Отечество в лице современного нам народа-богоносца... Вы видите, дорогая, что как ни тяжело Ваше положение, мое — ужаснее: над собою я еще мог бы поставить точку, но дети!

Невыносимо кричат из детской, — бонна куда-то послана по делам. Глухо кашляет и добровольно читает что-то Мика (удивительно заинтересован грамотой и учит уже свою няньку). Я еще нездоров, но думаю сегодня выйти и поразузнать, что делается в огороде. Зайду к m-me Бодаревской, авось что-либо узнаю.

Христос с Вами, поздравляю Вас с праздничными днями и Новолетием печальной жизни нашей. Молитесь и бодритесь!

Привет Верочке.

Ваш М. М.

Меньшиков М. О. Письмо Фрибес О. А., 10 декабря 1917 г. // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 253—255. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

10.XII.917.

Поздравляю Вас, милая О. А., с днем солнечного поворота. Все же это, в наших обстоятельствах, желанное событие, ибо керосин и дрова безумно дороги, как все в наше шальное время.

На днях я сделал поездку в глубину уезда за 26 верст в имение «Небылицы» (и название-то какое сказочное!). Ехать туда пришлось ночью, оттуда — с солнечным рассветом, и картины пустынных полей и дремучих боров просто были волшебные. Напомнились мне детские годы, когда ездил бывало на рождественские каникулы за 60 верст к себе в Полубеево. Но в Полубееве была идиллия нищеты, здесь же, в Небылицах, трагедия большого богатства. 5 000 десят[ин] земли, свои озера, огромные леса, сотни голов породистого племенного скота, локомобили, машины и пр. и пр. Все в порядке: старушка-аристократка, рожденная гр[афиня] Веймарн, один дедушка д[ействительный] тайный, другой — генерал-адъютант (Зиновьев¹⁸⁷ — воспитатель царских детей). Шесть сыновей, две дочери, четверо внуков и внучек. Дом хоть деревянный, но огромный, — что ни комната, то зал, — что Ни комната, то зал — на всем следы когда-то широкой дворянской жизни. Библиотека с массой старинных франц[узских] книг. Церковь, построенная помещиками, школа, построенная ими же для крестьян, дом для священника, построенный ими же, содержание священника и пр. — все от помещиков, но... помещик не может пойти в церковь, чтобы не нарваться на оскорбление. И вот на четвертые сутки, в 5 часов утра Николина дня, такая история: в крошечной темноте собрались 8 окружающих деревень, бывшая «барщина» и осадила

усадьбу под предводит[ельством] большевиков-солдат, приехавших из Пб. Обыск всего поместья, показывай, где бомбы и пулеметы! Выдавай оружие!

Ворвались огромною толпою. Ворвались и в ту залу, где я спал.

— Револьверы, ружья! Хозяйка предупредила, что в этой комнате гость, человек старый и больной: — Околеет, одним буржуем меньше! ответили ей. К сыновьям старушки (инженеры, окончившие курс за границей и здесь) врывались со штыками и браунингами: ни с места!

И затем я был свидетелем, как огромная толпа, приехавшая грабить, лаялась подряд несколько часов и отнимала поместье. Только доброта и благовоспитанность хозяев и полное непротивление всех нас спасло от смерти. Помещики на все соглашались, все отдавали и все-таки на них замахивались кинжалами, ругали из последних слов, наставляли дула браунингов, требовали, чтобы разулись и разделись, чтобы вести их по морозу вдоль деревни, собирались сжечь нас всех вместе с усадьбой и пр. и пр. Кроме благовоспитанности и крайней уступчивости помещиков их спасло два обстоятельства — присутствие старых крестьян, сошедшихся нарочно, чтобы не допустить озорства, да еще одно старое русское... (конец фразы зачеркнут, нрзб. — Ю. А.). Солдаты отстояли усадьбу от разгрома на том основании, что раз она отдана крестьянам, то пришлось бы громить свое же добро, а так как его много и скот дорогой — по тысяче рублей корова и больше, — то нужно от деревни выбрать контрольную комиссию и т. д. Надо было видеть ярость зверя, жаждавшего крови, и вынужденного отступить. В форточку башни я видел лесника, к[ото]рого притащили за 7 верст и собирались поджарить на кух[онной] плите, дабы показал, где у господ спрятаны бомбы... Когда толпа схлынула, мы в 6 ч[асов] след[ующего] утра встали и уехали из милых «Небылиц», родного гнезда для всей этой огромной семьи. Быль оказыв[ается] хуже всяких небылиц!

Я расскажу при свидании некоторые щекотливые моменты моего обыска. По-видимому, я был на волоске от большой опасности. В Валдай покати «гусем», на паре все-таки помещичьих лошадок, и был встречен своими человечками с шумной радостью. В Валдае тихо, только хлеб в городе весь вышел и крестьяне не дают ни зерна. Доживем ли до Нового года и как доживем — ни Аллах, ни прочие боги иудейские и христианские, не ведают.

Весьма возможно, что вы в скором времени увидите Марию Влад., к[ото]рая собирается на родины Олечки. Появление внука волнует мою бедную жену, и знаете, в каком отношении? Она завидует своей дочери! Ей самой хотелось бы еще ребеночка-сосунка. Нет, видите ли, выше наслаждения, как запаковать крохотного уродца в пакетик и давать ему грудь. Ненасытна природа и в хищничестве, и в самопожертвовании.

Не слышали ли Вы что-нибудь о Серг[ее] Пет[ровиче] Фролове188? Приезжал ли Серг[ей] Вал[ерьянович]189? Мне кажется, что я не видел Вас целую вечность. Читали ли Вы «Царство Пингвинов» Ан[атоля] Франса? Я прочел на днях с поучительным, как всегда относит[ельно] этого автора, интересом. А «Livres de mon ami»* его же слабовата, как и «Le Jard d'Епису-ге»**. Впрочем, он один из пророков, и крушение мира, предсказанное для Пингвинии, уже началось.

Христос с Вами. Целую Вас «лобзанием святым», как Павел. Жду известий.

М.

Лидочка с насморком, сидит у замерзшего окна, — и потому дома. Три здоровых в церкви. Маленькие дома. Иду разгребать сугробы снега.

* «Книга моего друга» (фр.).

** «Сад Эпикура» (фр.).

Поспелов М. Б. Примечания // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 262—268. — (Российский архив: История

Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

1 Николай II (1868—1918), российский Император (1894—1917), расстрелян вместе с семьей и приближенными в Екатеринбурге.

2 Троцкий Лев Давыдович (1879—1940), политический деятель. С 1917 г. — нарком иностранных дел. Один из организаторов Красной Армии и обороны в годы Гражданской войны.

3 Зиновьев Григорий Евсеевич (1883—1936), советский партийный деятель. С 1917 г. — председатель Петроградского совета.

4 Меньшикова (урожд. Шишкина) Ольга Андреевна (1826—1874).

5 Афонская Александра Васильевна, двоюродная сестра М. О. Меньшикова.

6 Меньшиков Осип Семенович (1833—1886).

7 Меньшиков Яков Михайлович (1888—1953), сын М. О. Меньшикова от первого гражданского брака. В эмиграции в 1931—1932 гг. примыкал к парижскому журналу «Утверждения» — органу «объединения пореволюционных течений».

8 Меньшиков Владимир Осипович (1867—?), младший брат М. О. Меньшикова.

9 Меньшикова (урожд. Поль, в первом браке Афанасьева) (1876—1945), Мария Владимировна, жена М. О. Меньшикова.

10 Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934), русский издатель — просветитель. После Октябрьской революции некоторое время был консультантом Госиздата. В ЦГАЛИ хранится черновик письма И. Д. Сытину:

«Многоуважаемый Иван Дмитриевич

Пишет Вам эти строки когда-то известный Вам М. О. Меньшиков, который однажды был у Вас в Москве. Когда-то Вы предлагали мне работу в Ваших изданиях, но заваленный сотрудничеством в «Неделе» и «Новом времени», я боялся оказаться недобросовестным, благодарил Вас и отказался. Теперь я нищий и прошу работы. Издания, где я трудился, разгромлены, все сбережения моей 39-летней трудовой жизни ограблены в Гос. Банке, дома отобраны и я с большою семьей (шестеро маленьких детей и один безработный с университетским образованием) близки к голодной смерти. Мне 58 лет, доктора находят у меня больное сердце, но в привычном мне деле редакционного [сорта] я еще могу много работать. Если есть у Вас или имеется в будущем какая-нибудь подходящая для меня работа, ради Бога, дайте мне ее. Что я не враг Вам и сердечно сочувствовал Вашему просветительному делу, доказывают две мои статьи, напечатанные в «Новом времени» год тому назад в дни Вашего юбилея*. Как с того времени много переменилось! Все разрушено, все продолжает разрушаться, но я верю в восстанавливающую силу жизни. Наступит время, когда от борьбы все вернутся к единственному строителю счастья — производительному труду. Помогите же мне, если можете, примкнуть к этому труду и использовать остатки сил.

Искренно Вам преданный М. Меньшиков

Валдай 12.II.1918

* Машина и Книга 23—25 февр. 1917 г. (Ф. 2169, оп. 1, ед. хр. 6, л. 1)

11 Райлян Фома Родионович, журналист, художественный критик.

в ці АЛІІ хранітся черновик письма Ф. Р. Раіляну:

Раіляну

«Валдай 12 февр. 1918

Многоув. г. редактор.

Мимолетное наше знакомство [в момент открытия Госуд. Д. позволяет мне обрат. к Вам с следую[щей] просьбой. Я — М. О. Меньшиков, бывший сотрудник] «Нов. Вр.». Революция отняла у меня все сбережения моей 39-летней жизни, все дочиста, отобрала дома в Марьино [нрзб.] и сразу бухнуло в нищету. Будь я один, это ничего бы, но у меня шестеро малых ребят. И [нрзб.] спасти их от голодной смерти. Не найдется ли у Вас для меня какой-нибудь работы? Подумайте, и если хотите помочь мне, окажите любезность ответить по указанному выше адресу.

С совершенным почтением [нрзб.] М. Меньшиков.»

(Ф. 2169, оп. 1, ед. хр. 6, л. 1 об.)

12 Львов Георгий Евгеньевич (1861 — 1925), князь. В марте — июне 1917 г. — глава Временного правительства.

13 Ковалев, один из валдайских купцов. В Валдае жили Петр, Иван и Василий Ковалевы.

14 Птицын Коля, сын священника в Валдае.

15 Довмонт († 1299), псковский князь с 1266, выходец из Литвы.

16 Неточная цитата из пьесы Ж.-Б. Мольера «Жорж Данден». («Ты этого хотел, Жорж Данден»).

17 Малкочи Вера Владимировна (урожд. Польш) (1881 — 1930), сестра М. В. Меньшиковой.

18 Самсонова Ольга Леонидовна (урожд. Афанасьева) (1899 — 1957), дочь М. В. Меньшиковой от первого брака.

19 Меньшиков Леонид Осипович (1858 — 1885), старший брат М. О. Меньшикова.

20 Эккерман А. К., смотритель уездного училища в Опочке, где учился М. О. Меньшиков.

21 Гауф Вильгельм (1802 — 1827), немецкий писатель.

22 Цапп Артур (1852 — 1925), немецкий писатель, автор романа «Фрау Гауптман».

23 Вахрушев Павел Филадельфович (1855 — 1931), инженер, архитектор. В быту его звали — Павел Львович.

24 Голубева Апполинария Георгиевна, воспитанница Вахрушева П. Ф.

25 Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович (1851 — 1895), русский писатель, революционный деятель. Здесь имеются в виду его известные очерки 1882 — 1883 гг.

26 Каблиц (Юзов) Иосиф Иванович (1848 — 1893), народник, публицист, сотрудник газеты «Неделя».

27 Ольхин Александр Александрович (1839 — 1897), адвокат, поэт.

- 28 Возможно, речь идет о Дубровине Евгении Александровиче (1857—1921), революционере-народовольце.
- 29 Гриневицкий Игнат Иохимович (1856—1881), член «Народной воли». 1 марта 1881 г. убил Александра II, при этом был смертельно ранен.
- 30 Парижский мир 1856 г., завершил Крымскую войну на унижительных для России условиях.
- 31 Шеффены, члены феодальных судов в Германии в VI—VIII вв. Из шеффенов состояли постоянные судебные коллегии.
- 32 Короцкий Тихона Задонского женский монастырь, недалеко от Валдая, основан в 1881 г.
- 33 Жеденев Н. Н., земский начальник Камышинского уезда Саратовской губернии. 20 марта 1896 г. стрелял в М. О. Меньшикова, замещавшего в тот день главного редактора «Недели» П. А. Гайдебурова, среди бумаг которого сохранилась запись: «...В качестве секретаря (М. О. Меньшиков — Ред.) однажды принимал земского начальника Жеденева, явившегося с протестом по поводу резко отрицательной позиции «Недели» к институту земских начальников и во время объяснения выстрелил в Меньшикова, почти в упор. Пуля чуть отклонилась от сердца...» (ЦГАЛИ, ф. 1410, оп. 1, ед. хр. 65, л. 2).
- 34 Мациевич Лев Макарович (1877—1910), один из первых летчиков, создателей русского воздушного флота. В сентябре 1910 г. М. О. Меньшиков летал с Мациевичем на аэроплане «Форман», а через несколько дней летчик погиб в авиакатастрофе.
- 35 В 1914 г. М. О. Меньшиков безоговорочно поддержал сухой закон, введенный в России. Этому событию было посвящено много статей в «Новом времени».
- 36 Безумцы,
- 37 Кабанис Пьер-Жан-Жорж (1757—1808), французский философ, врач.
- 38 Франц, фон (1870—1940), учитель в Валдае, краевед.
- 39 Цауне, квартирант Меньшиковых.
- 40 Уэллс Герберт Джордж (1866—1946), английский писатель, родоначальник научно-фантастической литературы XX в.
- 41 Банг Герман (1857—1912), датский писатель, критик, театральный деятель. «Михаэль» (1904) — экспрессионистский роман.
- 42 Бласко Ибаньес (1867—1928), испанский писатель.
- 43 Гамсун (Педерсен) Кнут (1859—1952), норвежский писатель.
- 44 Шницлер Артур (1862—1931), австрийский писатель.
- 45 Михаил Александрович (1878—1918), Великий Князь, брат императора Николая II. В 1917 г. отказался от прав на престол. Расстрелян в июне 1918 г. в Перми.
- 46 Жилинский Яков Григорьевич (1853—1918), начальник Генерального штаба (1911—1914).
- 47 Меньшикова (в замуж. Ловчиновская) Татьяна Михайловна (р. 1916), младшая дочь М. О. Меньшикова.

- 48 Меньшиков Григорий Михайлович (1910—1991), сын М. О. Меньшикова.
- 49 Возможно, Косоговский В. А. (1857—?).
- 50 Прп. Андрей (VII в.), архиепископ Критский, проповедник, автор «Великого покаянного канона», читаемого в Великий пост.
- 51 Фрибес Ольга Александровна (1858—1933), писательница, печаталась под псевдонимом «Данилов». Близкий друг М. О. Меньшикова и его семьи.
- 52 Маркевич Болеслав Михайлович (1822—1884), русский писатель, постоянный сотрудник «Русского Вестника» и «Московских ведомостей» М. Н. Каткова.
- 53 Монс Анна Ивановна (?—1714), фаворитка Петра I.
- 54 Назимовы (братья — Иван Иванович, Антон Иванович, Павел Иванович, Семен Иванович), военные, близкие знакомые М. О. Меньшикова.
- 55 Город в Восточной Пруссии, где в августе 1914 г. были разбиты Первая и Вторая русские армии.
- 56 Аджемов Моисей Сергеевич (1878—?), юрист, врач, политический деятель, член фракции народной свободы в Государственной Думе. В марте 1917 г. — комиссар Комитета Думы по министерству юстиции.
- 57 Меньшиков Миша (1912—1922), сын М. О. Меньшикова.
- 58 Керенский Александр Федорович (1881—1970), адвокат, председатель Временного правительства.
- 59 Меньшикова Ольга Михайловна (р. 1911), дочь М. О. Меньшикова.
- 60 Герцен Александр Иванович (1812—1870), русский революционный деятель, писатель.
- 61 Дарвин Чарльз Роберт (1804—1882), английский естествоиспытатель, автор труда «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859).
- 62 Токвиль Алексис (1805—1859), французский историк, социолог и политический деятель, лидер консервативной партии порядка, министр иностранных дел (1849).
- 63 Тэн Ипполит (1828—1893), французский литературовед, философ, историк, родоначальник культурно-исторической школы.
- 64 Карлейль Томас (1795—1881), английский публицист, историк и философ.
- 65 Гиббон Эдуард (1737—1794), английский историк. Основной труд — «История упадка и разрушения Римской империи» (1776—1788).
- 66 Анахарсис, просвещенный и мудрый скиф, живший среди греков в VI в. до н. э.
- 67 Курбский Андрей Михайлович (1528—1583), князь, боярин. Участник Казанских походов, член Избранной рады, воевода в Ливонской войне. В 1564 г. бежал в Литву, участвовал в военных походах против России.
- 68 Котошихин Григорий Карпович (ок. 1530—1667), подъячий Посольского приказа. В 1664 г. бежал в Литву, потом в Швецию. Автор сочинения «О России в царствовании Алексея Михайловича», содержащего обширный фактический материал о правах, обычаях и быте

Михайловича», содержащего обширный фактический материал о нравах, обычаях и быте русских людей XVIII века.

69 Меньшикова (в замуж. Васильева) Лидия Михайловна (р. 1907), старшая дочь М. О. Меньшикова.

70 Лашевич Михаил Михайлович (1884—1928), советский партийный и военный деятель. В 1917—1918 гг. — член Петроградского ВРК.

71 Чайкина (урожд. Макарова) Ирина Алексеевна (1880—1972), няня в семье Меньшиковых, с которой до ее кончины все Меньшиковы поддерживали теплые отношения.

72 Речь идет о киевских князьях, убитых новгородским князем Олегом в 882 г.

73 Поль Владимир Ермолаевич (1835?—1914).

74 Веселитская Лидия Ивановна (1857—1934), писательница, печаталась под псевдонимом «В. Микулич». Близкий друг М. О. Меньшикова и его семьи.

75 Гайдебуров Вячеслав Александрович (1850—1894), поэт, публицист, печатался в «Неделе» и «Книжках „Недели“».

Из некролога, помещенного в «Новом Времени» № 6455:

«...В оставленной покойным записке он сообщает, что отравился приемом цианистого калия. Причину самоотравления покойный объясняет тоской, овладевшей им после смерти брата, умершего недавно писателя, редактора-издателя «Недели» П. А. Гайдебурова, которого он горячо любил».

76 Семенов Григорий Михайлович (1890—1946), генерал-лейтенант. В 1917 г. установил военную диктатуру в Забайкалье. В сентябре 1945 г. захвачен советскими войсками в Манчжурии. 30 августа 1946 г. по приговору Верховного Суда СССР казнен.

77 Дутов Александр Илларионович (1879—1921), генерал-лейтенант. В 1917 г. возглавил восстание казаков в Оренбурге. В феврале 1921 г. после неудачной попытки похищения его из крепости Суйдун (Китай), Дутов был застрелен сотрудниками ЧК.

78 Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918), генерал от инфантерии, в 1917—1918 гг. — верховный главнокомандующий, организатор Добровольческой армии. 13 апреля 1918 г. убит при штурме Екатеринодара.

79 Ллойд Джордж Дэвид (1863—1945), премьер министр Великобритании в 1916—1922 г.

80 Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, видный государственный деятель. В 1905—1906 гг. — председатель Совета Министров.

81 Суворин Михаил Алексеевич (1860—1931), писатель, драматург и журналист. Сын издателя А. С. Суворина. В эмиграции в Белграде возобновил газету «Новое Время».

В 1915 г. М. О. Меньшиков записал: «Сегодня начал «Из дневника» в «Голос Руси». Не будет ли это моим последним выступлением в печать? Дела «Нов[ого] Врем[ени]» очень плохи» — наследники Суворина растаскивают здание, бывшее им родной хатой, по бревнам — особо хищничает Борис. Все они завели от «Нов[ого] Вр[емени]» приватные издания: «Веч[ернее] время», «Лукоморье» (Мих[аил]), «Маленькая газета» (Алексей). Все присосались к «Нов[ому] Вр[емени]» паразитами и тянут соки...»

82 Ессеи, название иудейской секты, не упоминавшейся в Священном Писании. Евиониты,

представители еретической иудействующей партии.

83 Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926), генерал от кавалерии. В 1909—1915 гг. — военный министр. В 1916 г. арестован и в 1917 г. приговорен к пожизненному заключению за неподготовленность русской армии к I мировой войне. Освобожден в 1918 г., эмигрировал.

84 Шишкин Василий Андреевич, дядя М. О. Меньшикова, брат его матери Шишкиной Ольги Андреевны.

85 Стадо свиней, в которое вошли бесы, когда Иисус Христос изгнал их из одержимого (Лук. 8, 27—39).

86 Льюис Джордж-Генри (1817—1878), английский писатель, автор книги к «Жизнь Иоганна Вольфганга Гете».

87 Анюта, двоюродная сестра М. О. Меньшикова.

88 Голлербах Эрих Федорович (1895—1942), литературовед, искусствовед, автор статей о В. В. Розанове. Погиб во время блокады Ленинграда.

89 Розанов Василий Васильевич (1856—1919), писатель, критик, публицист, философ. Вместе с И. О. Меньшиковым работал в газете «Новое Время».

В ЦГАЛИ хранится черновик письма М. О. Меньшикова В. В. Розанову:

«Валдай, с. д.

Истинное удовольствие доставили Вы мне, дорогой Вас. Вас., Вашим журнальчиком, как доказательством того, что Вы еще живы, хотя и отнесло Вас бурей вон куда! Жив, курилка! От всего сердца желаю Вам — как и себе — спастись среди этой чисто апокалиптической катастрофы. Прочел оба № с тем большей жадностью, что сам мечтал издавать подобный же «журнальчик с пальчик», но как бывший моряк, чувствую, что момент подходит надевать чистую рубаху (спросите моряков, что это значит). Многие ваши мысли, как всегда, блестящи и верны, с другими, как всегда, поспорил бы очень. Теперь не до спора. Почему вы с Серг. Пос.? Не у Анатолия ли Александрова? У них был там свой домик. Что намерены делать, если не секрет? Я сижу со своей огромной семьей в валдайской щели и при реквизированном имуществе своем (и сбережениях, хранившихся в Гос. Б.) рассчитываю лишь протянуть до лета. А там пошел бы по миру, если бы теперь подавали. Так как не подают и даже социалистический котел с кашей показывают лишь на бумаге, то придется проделать роль отошавших Индусов — сидеть и ждать смерти. Бандероль О. А. Фриб. Отправляю на днях с женой, к-рая едет в Пб. Привет Варв. Дм. и детям. Если не пожалеете открытки — откликнитесь. Авось как-нибудь еще выкарабкаемся из беды. По-моему, Бог всем посылает не только по заслугам, но и по нужде их.

Ваш М. М.»

На обороте письма — текст В. В. Розанова:

«Бог — Вседержитель, если он не дал хлеба мне одному, пусть только мне и детям моим одним, и не есть для меня Вседержитель, п. ч. кто дал жизнь, озаботится и прокормлением. Ибо не напрасно и не для умиранья дана жизнь.

Видите ли, вот от Бога, Который если дал чрево женщине, чтобы родить — дал и груди, чтобы вскормить ребенка.

Но ты дал скопчество [нрзб.] и тем тоже показал себя»

(Ф. 419, оп. 1, ед. хр. 530, л. 1.)

90 Периодически выпускаемый в середине XIX века сборник душевспасительного чтения.

91 Страхов Николай Николаевич (1828—1896), публицист, критик, философ.

92 Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893), издатель журналист, публицист, прозаик, драматург. С 1869 г. — сотрудник-издатель газеты «Неделя», в которой с середины 80-х годов до 1901 г. сотрудничал М. О. Меньшиков.

93 Перцов Петр Петрович (1868—1947), писатель, критик.

94 Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), критик, драматург, публицист, издатель газеты «Новое Время» и журнала «Исторический вестник».

95 Эспинас Альфред (1844—1922), французский философ и социолог.

96 Шопенгауэр Артур (1788—1860), немецкий философ-идеалист.

97 Полонский Яков Петрович (1819—1898), русский поэт.

98 Ле-Бон (Лебон) Густав (1841—1937), французский писатель, социолог. Автор книги «Психология народов и масс». СПб., 1896 и др.

99 Спасовский М. М., издатель в Петрограде.

100 Измайлов Александр Алексеевич (1873—1921), писатель, критик, работавший в «Петроградском голосе».

101 Бисмарк Отто, фон Шенгаузен (1815—1898), немецкий государственный деятель и дипломат.

102 Самсонова Ольга Леонидовна и ее сын Самсонов Григорий Валентинович (1817—1975), в будущем чл.-корр. АН УССР.

103 Маколей Томас Бабингтон (1800—1859), английский историк, публицист, политический деятель.

104 В греческой мифологии сын Урана и Геи, чудовищное существо с пятьюдесятью

головами и сотней рук. Когда боги восстали против Зевса, его спас Бриарей, устранив врагов своим видом.

105 Очевидно, имеется в виду академик Иван Петрович Павлов (1849—1936), великий русский ученый-физиолог.

106 Полежаев Александр Иванович (1804—1838), русский поэт.

107 Фидий (нач. 5 в. до н. э. — ок. 432—431 до н. э.), древнегреческий скульптор.

108 Апеллес (4 в. до н. э.), древнегреческий живописец.

109 Гиртль Йозеф (1811—1894), известный анатом, член Императорской Венской Академии, один из основателей Венского музея сравнительной анатомии. Его сочинения отличались блестящими изложениями в соединении с научной строгостью.

110 Геродот (между 490 и 480 — ок. 425 до н. э.) древнегреческий историк. Пал первое

110 Геродот (между 480 и 400 — ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк. дал первое систематическое описание жизни и быта скифов.

111 Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк, писатель. Известен трудами по социально-политической и экономической истории России и Украины.

112 Ренненкампф Павел Карлович (1854—1918), русский генерал от кавалерии, в начале I мировой войны командовал армией.

113 Антропа (Антропос, греч.) — перерезающая ножницами нить жизни.

114 Сократ (ок. 470—399 до н. э.), древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики как метода отыскивания истины.

115 Шпильгаген Фридрих (1829—1911), немецкий писатель.

116 Расин Жан (1639—1699), французский поэт, драматург, представитель классицизма.

117 Мольер (Жан Батист Поклен) (1622—1673), французский комедиограф, актер, театральный деятель.

118 Лафонтен Жак де (1621—1695), французский писатель, мыслитель, сатирик.

119 Боссюэ Жак Бенинь (1627—1704), французский писатель, епископ.

120 Франклин Бенджамин (1706—1790), американский просветитель, государственный деятель, один из авторов Декларации независимости США и Конституции.

121 Хорив — гора на юге Синайского полуострова, в Аравийской пустыне, где Бог заповедовал Моисею законы, а Моисей обращался к народу (Исход 3, 17, 33; Второзаконие 3—5).

122 Голубиная книга — собрание народных духовных стихов. Другое название — «Стих о книге Глубинной, от глубины премудрости в этой книге заключающейся». «Голубиной» книга стала называться у народа под влиянием символа св. Духа.

123 Речь идет о романе Гете «Страдания молодого Вертера» (1774).

124 Имеются в виду герои поэмы Гете «Герман и Доротея» (1797).

125 Фомина неделя — следующая после Пасхальной неделя апостола Фомы.

126 Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), германский император и прусский король. Свергнут Ноябрьской революцией 1918 г.

127 Всероссийский Национальный Союз, программа и устав которого были разработаны М. О. Меньшиковым (1908).

128 Начальник строительной конторы, которая размещалась в доме Меньшиковых.

129 Наташа, родственница М. О. Меньшикова, в воспитании которой он принимал большое участие в бытность свою молодым флотским офицером.

130 Августин Блаженный Аврелий (354—430), величайший из отцов Христианской церкви.

131 Сестра няни И. А. Чайкиной.

132 День равноапостольного царя Константина и матери его царицы Елены, 21 мая (3 июня).

133 Комбатанты — лица, входящие в состав вооруженных сил воюющих государств и принимающие непосредственное участие в военных действиях.

134 Поль-Ловчиновская Зинаида Владимировна (1883—1938), сестра М. В. Меньшиковой. Была известным хирургом в Петрограде.

135 Антоний (Вадковский Александр Васильевич) (1846—1912), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

136 Ольгой Андреевной, т. е. именем своей матери, М. О. Меньшиков называл дочь Ольгу, находя ее очень похожей на бабушку.

137 Речь идет о сестрах М. В. Меньшиковой.

138 Имеется в виду Русско-турецкая война 1877—1878 гг., завершившаяся Сан-Стефанским мирным договором.

139 Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), государственный деятель, министр внутренних дел, председатель Совета Министров с 1906 г. Убит в Киеве провокатором Багровым.

140 Ли Хунчжан (1823—1901), видный китайский сановник и государственный деятель, руководитель внешней политики Китая в конце XIX в.

141 Нордман-Северова Наталья Борисовна (1863—1914), писательница, журналистика, жена художника И. Е. Репина.

142 Самсонов Валентин Григорьевич, муж Ольги Леонидовны, падчерицы М. О. Меньшикова.

143 По рассказам М. В. Меньшиковой в начале I мировой войны М. О. Меньшиков, руководствуясь призывами правительства, отвез саквояж золотых монет в Госбанк, где обменял их на ассигнации, потерявшие всякую ценность после революции.

144 Дом в Павловске, который М. О. Меньшиков сдавал в наем.

145 Володарский (Гольдштейн) Моисей Маркович (1891—1918), комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, член Президиума ВЦИК.

146 Мирбах Вильгельм (1871—1918), германский дипломат, граф. С апреля 1918 г. — посол в Москве. Убит левым Эсером Я. Г. Блюмкиным.

147 Гайдебуров Василий Павлович (1866 — после 1940), издатель, поэт, сын издателя газеты «Неделя» П. А. Гайдебурова.

148 Так в семье Меньшиковых звали Семена Ивановича Назимова.

149 Константин Николаевич (1827—1892) Великий князь, сын Николая I, крупный государственный деятель. С 1853 г. по 1881 г. возглавлял Морское ведомство.

150 Алексей Александрович (1850—1908), Великий Князь, сын Александра II, генерал-адмирал, главный начальник флота и Морского ведомства.

151 Сергей Михайлович (1865—1918), Великий Князь, внук Николая I, инспектор полевой артиллерии. Убит в Алапаевске.

152 Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944), религиозный философ.

153 Дурылин Сергей Николаевич (1877—1954), философ, литературовед, историк театра.

154 Новоселов Михаил Александрович (1864—1938), профессор классической филологии

Московского университета, бывший толстовец, затем православный религиозный писатель. В 10-х годах издавал в Вышнем Волочке «Религиозно-нравственную библиотеку». В 1928 г. арестован, умер в ссылке.

155 Балтийский Александр Алексеевич (1870—1939). Участник I Мировой войны, генерал-майор. Перешел на сторону советской власти. До июня 1918 г. — военный руководитель Высшей военной инспекции Красной армии.

156 Иосиф (1862—1930), архимандрит, последний настоятель Иверского монастыря перед его закрытием.

157 Генерал германской армии.

158 Некрасов Николай Виссарионович (1879—1940), инженер-технолог, политический деятель, депутат III и IV Государственной Думы. Масон. Занимал различные посты во Временном правительстве (министр путей сообщения, министр финансов, заместитель Председателя Совета Министров, генерал-губернатор Финляндии). В советское время на преподавательской работе, член Правления Центросоюза РСФСР и СССР.

159 Марков Андрей Андреевич (1856—1922), математик, академик Петербургской Академии наук, автор трудов по теории чисел, теории вероятности.

160 Сотрудник газеты «Эра».

161 Двоюродная сестра М. О. Меньшикова.

162 Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), юрист, государственный деятель, обер-прокурор Синода (1880—1905).

163 Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916).

164 Франц Иосиф I (1830—1916), император Австрии и король Венгрии с 1848, из династии Габсбургов. Один из организаторов Тройственного союза.

165 Инженер из Петрограда, работавший в Валдае.

166 Иванов Михаил Михайлович (1849—1927), музыкальный критик и композитор. Постоянный корреспондент «Нового Времени», писавший музыкальные фельетоны.

167 Мечников Илья Ильич (1845—1916), выдающийся русский биолог, один из основоположников сравнительной патологии.

168 Речь идет о левозэровском мятеже 1918 г. в Москве.

169 Вацетис Иоаким Иоакимович (1873—1938), советский военачальник. В 1918 г. командовал Латышской стрелковой дивизией, руководил ликвидацией левозэровского мятежа. Репрессирован.

170 Муравьев Михаил Артемьевич (1880—1918), подполковник, левый эсер. В 1918 г. был главнокомандующим войсками Восточного фронта, поднял мятеж в Симбирске, убит при аресте.

171 Фальк Елена Андреевна, первая любовь М. О. Меньшикова.

172 Гартман Мориц (1821—1872), австро-немецкий поэт и беллетрист.

173 Урицкий Моисей Соломонович (1873—1918), деятель революционного движения, юрист. С марта 1918 — председатель Петроградской ЧК. Убит эсером Л. А. Каннегисером.

174 Лукан Марк Анней (33—65), римский поэт.

175 Каннегисер Леонид Акимович (1898—1918), студент, убивший М. С. Урицкого. Расстрелян ЧК.

176 Спиридонова Мария Александровна (1889—1941), в 1906 г. убила тамбовского вице-губернатора Луженовского, участница левозеро-мязежа 1918 г. Расстреляна в орловской тюрьме в 1941 г. перед наступлением немцев.

177 По легенде, перстень с надписью «И это пройдет» был у царя Соломона.

178 Валдайские купцы, взятые чекистами в качестве заложников. Сына М. С. Савина, 17-летнего Колю, расстреляли вместе с М. О. Меньшиковым.

179 Известны критические статьи М. О. Меньшикова по поводу ранних произведений А. М. Горького и резкие отзывы последнего о «Новом Времени» и статьях М. О. Меньшикова.

180 Шутливое прозвище Г. В. Самсонова, сына О. Л. Самсоновой.

181 Ловчиновский Александр Иванович, муж З. В. Поль.

Письма М. О. Меньшикова к О. А. Фрибес подготовлены к печати и прокомментированы Ю. В. Алехиным по материалам ЦГАЛИ (Ф. 2168, оп. 1, ед. хр. 27).

182 Буренин Виктор Павлович (1841—1926), литературный и театральный критик и поэт.

183 Тернавцев Валентин Александрович (1860—1940), религиозный философ, богослов, секретарь Святейшего Синода, один из — «члено-учредителей» Религиозно-философских Собраний, в которых участвовал и Меньшиков (1901—1903).

184 Каледин Алексей Максимович (1861—1918), генерал от кавалерии, с 1917 г. — атаман Донского казачьего войска. Покончил с собой.

185 Духонин Николай Николаевич (1876—1917), генерал-лейтенант, в ноябре 1917 г. — главнокомандующий, убит солдатами.

186 Свт. Тихон (Белавин Василий Иванович) (1865—1925), патриарх Московский и всея Руси с 1917 г. Канонизирован в 1989 г.

187 По-видимому, речь идет о братьях Зиновьевых — Иване Алексеевиче (1835—1917) и Николае Алексеевиче (1840—1917).

188 Фролов Сергей Петрович (1850—?), дворянин Смоленской губернии, крупный землевладелец, тайный советник, шталмейстер, сенатор. Активно поддерживал Всероссийский Национальный Союз (1908).

189 Воейков Сергей Валерианович (1860—?), член III Государственной Думы от Тамбовской губернии.

190 Речь идет о повести О. А. Фрибес «В тихой пристани», напечатанной в «Русском Вестнике»

за 1894 г.

191 Шербюлье Антуан (1797—1869), швейцарский экономист.

192 Оранжереев Николай, начальник 9-го участка пути Николаевской железной дороги, кадет. Организовал в Валдае Комитет Общественного Спокойствия.

193 11-й стих 90-го псалма гласит: «Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих».

194 Речь идет о выпусках «Апокалипсиса вашего времени» В. В. Розанова (Сергиев Посад, 1917—1918, вып. 1—10).

195 Заключительные строки стихотворения Н. А. Некрасова «Замолкни, Муза мести и печали!»

196 Флетчер Джайлс (ок. 1549—1611), английский дипломат. Автор книги «О государстве Русском».

197 Маржерет Жак (ок. 1550 — после 1618), французский авантюрист. Служил у Бориса Годунова, Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Автор книги «Состояние Российской державы... с 1590 по сентябрь 1606».

198 Олеарий Адам (1603—1671), немецкий путешественник. Автор книги «Описание путешествия в Московию...»

199 Герберштейн Сигизмунд (1486—1566), немецкий дипломат. Автор книги «Записки о московских делах».

200 Арсеньева Софья Дмитриевна, дочь вице-адмирала, начальника Николаевской морской Академии, члена Государственного Совета Д. С. Арсеньева, знакомая М. О. Меньшикова.

Указатель имен

(Концевая страница) // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 272. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

P76

«Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.)». Выпуск IV. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив». 1993. — 271 с.; ил.

ISSN 0869—2009

В этом выпуске впервые публикуются материалы к биографии известного русского публициста, ведущего сотрудника газеты «Новое Время», Михаила Осиповича Меньшикова, расстрелянного в 1918 г. Читателям предлагаются письма и Дневник последнего года жизни.

Сборник рассчитан на историков, архивистов и всех интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3 (2)

РОССИЙСКИЙ АРХИВ

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.

Выпуск четвертый

М. О. МЕНЬШИКОВ. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Студия «ТРИТЭ» Творческо-производственное объединение Никиты Михалкова

Редакторы В. В. Шибаева Художественный редактор В. М. Аладьев Технический редактор Л. В. Сеницина Корректор Н. А. Несмеева

Сдано в набор 17.07.92. Подписано к печати 16.02.93. Формат 70 × 100/16. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Обыкновенная Новая». Печать офс. Усл. печ. л. 22,03 + альбом = 24,62. Усл. кр. отт. 49, 9.

Уч.-изд. л. 26,37 + альбом = 27, 58. Тираж 30 000 экз. Изд. № 8. Заказ № 7165.

Издательский отдел «Российский Архив» ТПО «ТРИТЭ» 103001, Москва, Мал. Козихинский пер., 11

103051 Москва, Цветной бульвар, д. 30 Экспериментальная типография ВНИИ полиграфии

(Титульные листы и фронтиспис) // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. — С. 1—4. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] IV).

Два чувства дивно близки нам —

В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам...

А. С. Пушкин

Михаил Осипович Меньшиков. Портрет работы И. Куликова. 1914 г.

Михаил Осипович Меньшиков Портрет работы И. Куликова. 1914 г.

РОССИЙСКИЙ

АРХИВЪ

История Отечества

в свидетельствах и документах

XVIII—XX вв.

IV

М. О. Меньшиков Материалы к биографии

Студия «ТРИТЭ» НИКИТЫ МИХАЛКОВА «РОССИЙСКИЙ АРХИВ» Москва 1993

ББК 63.3(2)

РРК 00.0(2)

Р 76

Редакционная

коллегия

А. Д. Зайцев

Н. С. Михалков

А. Л. Налепин (главный редактор)

С. А. Небольсин

Т. Е. Павлова

Т. В. Померанская

В. В. Шибаета

О. Ю. Щербакова

В подготовке издания

принимали участие

А. Н. Кузнецова,

М. В. Овчаренко, И. П. Панкратьев

В оформлении форзаца

использованы страницы из дневника

М. О. Меньшикова

Ответственность за археографическую подготовку текстов

несут авторы публикаций

0503020000—008

Р А 19(02)—93

© Студия «ТРИТЭ», РИО «Российский Архив». 1993

ISSN 0869—2009

© О. М. Меньшикова, М. Б. Пospelов. 1993